

100%
DOC

18+

Кармело Сардо
Джузеппе Грассонелли

СОРНЯК

CoRPvS

“ ДА, Я БЫЛ ПРЕСТУПНИКОМ,
ПРИЧЕМ БЕЗЖАЛОСТНЫМ,
НО СУДЬБА НЕ ДАЛА МНЕ
ИНОГО ВЫБОРА.

100%.doc

Джузеппе Грассонелли
Сорняк

«Corpus (ACT)»

2014

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44

Грассонелли Д.

Сорняк / Д. Грассонелли — «Corpus (АСТ)»,
2014 — (100%.doc)

“Сорняк” – уникальная в своем роде книга. Это автобиография преступника – Джузеппе Грассонелли, обвиненного в серии убийств и отбывающего пожизненное тюремное заключение, – которая написана в соавторстве с журналистом Кармело Сардо. Книга удостоена престижной итальянской литературной Премии имени Леонардо Шаши, – это вызвало скандал, а председатель жюри отказался участвовать в заседании. По книге “Сорняк” снят документальный фильм, вызвавший живую полемику. Судьба Грассонелли, одержимого кровной местью, поистине трагична и страшна. Честно и безыскусно он рассказывает о своей жизни, в которой две ипостаси – жестокий преступник и человек – неразделимы. Авторы книги будто подталкивают читателя вынести моральный вердикт: виновен ли герой или заслуживает пощады, поскольку за двадцать лет тюрьмы смог стать другой личностью?

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44

© Грассонелли Д., 2014
© Corpus (АСТ), 2014

Содержание

Моему врагу	7
Сорная трава	8
Оружие	11
Секрет	13
Кражи	16
Линоза	21
В бегах	23
Гамбург	24
Жизнь в большом городе	26
В “Каламбо”	28
Нина	30
СПИД	33
В армии	36
Возвращение в Гамбург	44
Возвращение на Сицилию	47
Женитьба Тино	48
Бойня	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джузеппе Грассонелли, Кармело Сардо

Сорняк

© 2014 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano

© С. Сиднева, перевод на русский язык, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

* * *

*Посвящаю эту книгу своему дорогому другу Кармело Сардо.
Я узнал, что такое зло, пережил голод, отчуждение от общества;
но твое появление в моей жизни было подобно яркому лучу солнца,
который согревает душу изнутри.
Джузеппе Грассонелли*

*Посвящаю эту книгу Джузеппе, вернувшемуся к жизни. Всем
Джузеппе, погребенным в тюрьме, но с честью отбывающим
наказание.
Кармело Сардо*

*Nititur in vetitum semper, cupimusque negatum.
Овидий¹*

*Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
Принадлежит и вам.*

*...Во всех людях я вижу себя, ни один из них не
больше
меня и не меньше даже на ячменное зерно,
И добрые, и злые слова, которые я говорю о себе,
я говорю и о других.*

*...Кто унижает другого, тот унижает меня,
И все, что сделано, и все, что сказано, под конец
возвращается ко мне.*

У. Уитмен. Песнь о себе²

События, места и имена живущих и некогда живших персонажей, упомянутые в повествовании, изменены рассказчиком. В остальном всякое совпадение с реальными людьми и фактами является случайным.

¹ Все, что запрещено, влечет; того, что не велено, жаждем. (Овидий. *Любовные элегии*. III; IV, 17. Пер. С. Шервинского).

² Пер. К. Чуковского.

Главный герой называет себя Антонио Брассо – такой псевдоним Джузеппе Грассонелли использовал в тот период своей жизни, который описан в книге.

Моему врагу

Что за напасть поразила мою любимую землю? Сколько немых слез, пролитых из нежных глаз наших женщин, оросило ее?

К тебе, мой недруг, мысленно обращаюсь с вопросом: задумывался ли ты когда-нибудь в своей короткой и отчаянной жизни, чьи слезы горше и солонее – те, что обронила на камни мостовой моя мать, оплакивая меня, или те, которыми плакала по тебе твоя мать?

Я думаю, плач матери по убитому сыну, кем бы он ни был, – всегда выражение жестокой душевной боли.

Когда я размышляю вновь и вновь о горючих и уже напрасных слезах своей матери, сердце сжимается от тоски, ведь я знаю, что твоя грустная судьба отныне неотделима от моей.

Эта невыносимая боль будет камнем лежать у нас на сердце, и мы будем отчаянно метаться в поисках хоть какого-то разумного объяснения происходящему. Но разум подведет нас, и отыщется лишь зыбкое оправдание, будто мы убивали ради... мести.

И с каждым днем мы все глубже станем погружаться в это бездонное море печали.

Джузеппе Грассонелли

Сорная трава

Лай собак вдалеке нарушает мой чуткий сон: еще одна тягучая и однообразная ночь моего убогого существования.

Открываю глаза. Темноту камеры едва рассеивает треугольник тусклого света.

Собаки не смолкают. Должно быть, это бродячий пес воет на луну. Или сука, потерявшая своих щенят.

Вспоминаю случай из школьных лет, и на губах появляется горькая улыбка.

Закрываю глаза и вижу, как тридцать лет назад, словно в другой жизни, такая же сука лаяла, высунув голову из своего логова. Потом перевела дух и стала беспокойно озираться вокруг. Собака вылезла из норы, юркнула обратно и сновала так еще некоторое время, точно в нерешительности; наконец, выскочила и понеслась прочь.

Уже около часа мы с Тино Манчино, Тото Фимминеддой и Нелло Гроссо ждали этого момента, притаившись за горным хребтом.

Я бегом спустился к норе, ребята за мной. Сунув руку в дыру, я вытащил щенка, тот жалобно заскулил. Я препоручил его Нелло, снова засунул руку в нору, вытащил второго щенка и передал его Тино.

Третий щенок никак не давался в руки. Он забился глубоко в логово, и мне едва удалось нащупать его.

“Черт возьми, нужно торопиться. Если сука вернется, она порвет нас всех на куски”, – подумал я.

Я заглянул в нору и попытался различить в темноте хоть что-то, а вскоре услышал за спиной крики Гроссо:

– Шевелись, твою мать! Она возвращается!

Я быстро вскочил, оставив в покое третьего щенка, выхватил у товарищей двух первых и затолкал их обратно: нужно было уносить ноги. Но вскарабкаться по почти отвесному склону горы и убежать от разозленной зверюги было нелегко, хотя я надеялся, что, если мы вернем щенков матери, она не станет нас преследовать.

Мне не раз доводилось красть щенков. Но в тот день все пошло наперекосяк. Сука разъярилась и не хотела отпускать нас так просто.

Вдруг Тото поскользнулся и покатился вниз, ударяясь о каждый острый выступ склона.

“Проклятье, – подумал я. – Теперь этот придурок расшибется”.

Он ныл с самого начала, просился домой, боялся, что собака вернется. Тото всегда чего-нибудь боялся.

Я повернул назад, чтобы выручить его и оттащить в безопасное место. Оказавшись рядом с Тото, вопящим от боли, я попытался успокоить его.

Сука стояла, наблюдая за этой сценой. Всем своим видом она будто бы хотела сказать: “Только посмотрите на этих дураков!” К счастью, она отказалась от преследования, развернулась и пошла к своим щенятам.

Мимо проезжал друг моего отца: он направлялся на работу. Тото был весь в крови, он сломал ногу и кисть, не говоря уже о ссадинах по всему телу. Друг отца погрузил Тото в машину, чтобы отвезти его в больницу, но прежде успел бросить на меня уничтожающий взгляд и заметить: “Как всегда ты, Сорняк...”

Сор, Сорняк было моим прозвищем.

Вечером я вернулся домой, и мне досталось от всех понемногу – от деда, отца, отцовых братьев, никто даже не сомневался, что я единственный зачинщик. Было бесполезно убеждать их, что это не моя затея, что в краже щенков участвовали и другие ребята. Одна только мать верила в мою невиновность, но ей не удалось оградить меня от наказания и побоев.

После того случая моя родня велела мне находиться подле Тото и всячески оберегать его от неприятностей: он был слабым звеном в нашей компании. Каждое утро мне приходилось провожать его на автобусе в школу, хотя обычно я туда добегал – ради тренировки.

Я мечтал о карьере футболиста. Я был яростным болельщиком “Ювентуса” и боготворил Ромео Бенетти и Пьетро Анастази. Поклялся себе стать такими, как они. Но пока у меня под ногами путался только Тото. По его вине я почти каждый день ссорился с остальными мальчишками. Стоило мне лишь на минуту оставить Тото, и у него тут же крали бутерброды, таким он был недотепой. Зато, конечно, учился хорошо. Именно он делал за меня домашнюю работу с младших классов до средней школы. Благодаря Тото мне удавалось переходить из класса в класс, не оставаясь на второй год.

Вот как все происходило. Я прибежал в школу, взмыленный и уставший, и сразу же засыпал за партой. Учитель пытался разбудить меня подзатыльниками, но напрасно, я тотчас засыпал снова. В конце концов учитель сдавался и оставлял меня в покое. Я просыпался от звонка, означавшего конец уроков, и вот тогда-то начинался мой настоящий день.

Когда отец, рабочий автомобильного завода “Фиат”, трудился во вторую смену – с двух часов дня до десяти вечера, – мы обедали вместе, и, прежде чем отправиться на работу, он мучил меня таблицей умножения. Я получил столько тумачков из-за этой таблицы и вызубрил ее настолько хорошо, что учитель лишь руками разводил от изумления. Да, в преподавании отец оказался сильнее моего школьного учителя. Из-за подзатыльников я знал математику и географию лучше, чем одноклассники. При этом я почти всегда отсутствовал на уроках. Мне не нравилось сидеть и слушать. Я считал это пустой тратой времени.

“Я футболист, а не зубрила”, – подбадривал я себя.

В школе мы с товарищами чего только не вытворяли. Тащили все, что плохо лежало. Не потому, что нам нужны были все эти предметы, а из чистой любви к искусству.

Однажды напротив бакалейной лавки остановился фургончик с мороженым. Водитель вышел, открыл заднюю дверь, вытащил две коробки с мороженым и понес их в магазин. Мы с Тино переглянулись, без лишних слов запрыгнули в оставленный без присмотра фургончик и угнали его со всем содержимым.

Мы позвали приятелей и скрылись с добычей в полях за городом, чтобы объесться там мороженым до тошноты. Нас буквально выворачивало от количества съеденного мороженого. Зачем мы сделали эту глупость, осталось загадкой для нас самих. Едва ли мы сознавали, что серьезно вляпались. Такая кража и кража щенков – вовсе не одно и то же.

Родители мальчишек из нашего квартала провели тщательное дознание, пытаюсь выяснить, чьи отпрыски участвовали в затее. Меня, Тино и Нелло дома чуть не прибили, но мы никого не заложили. Как всегда, нас предал Тото, примерный мальчик, который все рассказывал своим папе и маме.

Боже, сколько затрещин я схлопотал в тот день от отца! Но это были пустяки. Гораздо хуже оказалось то, что моей семье и семьям моих приятелей пришлось платить мороженщику за украденный товар. У меня не хватало духу смотреть родным в глаза. Одна только мать пожалела меня. Она обнимала меня и, усадив к себе на колени, укачивала, как ребенка, и повторяла, что я, конечно же, не сделаю ничего подобного в будущем. Она была в этом уверена.

Моя мать, чудесная женщина! Я не помню, чтобы получил от нее хоть один подзатыльник. Каждый свой упрек она сопровождала доброй улыбкой. Всякий раз я обещал вести себя хорошо, исправиться. Но всякий раз спустя несколько дней я ввязывался в какую-нибудь дурную историю. Натерпелась она от меня.

Нас было с десяток. Чаще всего мы гоняли мяч во дворе, а иногда шли в центр городка, прогуливались по проспекту, цепляясь к каждому встречному.

Нашим врагом была банда из Вичинцеллы – другого квартала. А нас прозвали “индейцами”, потому что наш квартал был известен как Индейский.

Однажды мы искали вичинцельцев, которые побили одного из наших – Меме, и вдруг увидели двух карабинеров, стоявших возле своих мотоциклов. Те карабинеры показались нам, мальчишкам, настоящими великанами.

Пока мы шли своей дорогой, притворяясь невинными ангелочками, карабинеры смеялись над суровым и подозрительным взглядом.

Внезапно раздался грохот. Я обернулся и увидел мотоцикл карабинера. Я застыл как вкопанный, карабинер схватил меня и стал осыпать ударами. От его хватки я едва не задохнулся, к тому же второй карабинер стал ему помогать. Испугавшись не на шутку, я старался освободиться. Я не понимал, что происходит и за что меня бьют. Один из карабинеров сказал, что узнал меня, и требовал, чтобы я назвал свое имя. Я назвал вымышленное имя. Карабинер, таща меня за руку, подошел к рации, установленной на мотоцикле. Пока он что-то докладывал на центральную линию, мне удалось вывернуться и сбежать, скрывшись среди машин. Второй карабинер погнался за мной и врезался в один из автомобилей. Чудом все остались живы.

Я был потрясен. Мои уши горели, голова разрывалась от боли, а ослабевшие руки дрожали. Я бежал, не помня себя от страха. Я боялся, что карабинеры запомнили мое лицо. На этот раз отец с дедом точно прибили бы меня: это было по-настоящему серьезное происшествие.

Когда я добрался до своих друзей, то был все еще сбит с толку и напуган настолько, что они засмеялись, едва увидели меня. Я ничего не понимал. Они покатывались со смеху. Наконец один из приятелей все объяснил.

Случилось вот что: в тот момент, когда я обернулся, Тото пнул ногой мотоцикл карабинера.

Мой товарищ еще не закончил говорить, как я набросился на Тото, осыпая его тумаками. Да как он посмел сыграть со мной такую шутку? Теперь мальчишки будут насмехаться надо мной. Я надавал Тото столько затрещин, что ему, пожалуй, хватило на всю оставшуюся жизнь. Когда он пожаловался родителям, что я избил его, а те попытались отчитать меня, я послал их всех к дьяволу, пообещав, что Тото когда-нибудь получит от меня добавку. Я устал расплачиваться за его проделки. Учитывая, что мне и дальше придется за них расплачиваться, я решил высказать им все напрямик.

Однако тогда я раз и навсегда избавился от Тото. Мы с Тино Манчино и Нелло Гроссо договорились держаться подальше от Фимминедды. Каждый раз, когда он пытался подойти к нам, я колотил его, уклоняясь от поручения моих родителей, которые желали, чтобы я был рядом с Тото и защищал его.

В конце концов смирились и родители. Мы с друзьями перестали брать Тото с собой, не рассчитывая, что он когда-нибудь изменится и перестанет создавать нам проблемы. Даже сам Тото понял это и стал дни напролет корпеть дома над учебниками.

Оружие

Прошел уже час с тех пор, как мы расставили ловушки. Тино, Нелло и я, затаившись, терпеливо ждали, когда щеглы попадутся в наши силки. Мы молчали и сидели не шелохнувшись, боясь спугнуть птиц. И вдруг увидели Виченцо Фитузо: он шел в нашу сторону. Виченцо был деревенским пастухом, который, похоже, никогда не мылся и ночевал вместе со своими овцами. Все брезговали подходить к его овчарне, которая казалась хуже свинарника.

Виченцо тащил большой джутовый мешок и лопату и с опаской поглядывал по сторонам.

Его поведение разожгло наше любопытство. Я поднес к глазам бинокль и увидел, что Фитузо расчистил от веток какой-то тайник и принялся копать землю. Мы застыли, наблюдая за ним и сгорая от нетерпения выведать, что происходит.

Виченцо продолжал копать, пока не извлек из ямы большой пластмассовый бидон. Он откупорил крышку и осторожно поместил внутрь мешок, вернул крышку на место и снова закопал бидон в том же месте, прикрыл землю ветками и пошел прочь, постоянно озираясь вокруг: не заметил ли его кто-нибудь. Когда пастух отошел достаточно далеко, мы вскочили и ринулись к тайнику. Мы раскопали его и с большим трудом вытащили бидон – он оказался тяжелым.

Ухватившись за крышку обеими руками я, поднатужившись, снял ее. Затем мы достали мешок и вытряхнули содержимое на землю: два обреза, пять револьверов, запас пуль и сумка, которую мы тотчас открыли. В сумке обнаружилась целая куча денег – по меньшей мере несколько миллионов лир. Мы были поражены. Сердце бешено колотилось.

Иметь дело с оружием нам уже доводилось, мы даже стреляли из старого пистолета, который Нелло иногда тайком брал у своего отца. Оружие из мешка было новеньким, хромированным, изящным. Мы затолкали все обратно в бидон, схватили его за два кольца, прилаженные в качестве ручек, и оттащили на несколько сотен метров в местечко, известное только нашей компании. Перед уходом мы поклялись никому и никогда не открывать нашего секрета.

Домой мы вернулись поздно. Отец уже ушел на работу, но мать передала, что он обещал задать мне трепку по возвращении. Ее слова я пропустил мимо ушей: мысли были заняты нашим тайником. Быстро проглотив свой бутерброд, я вышел из дому, рассеянно отвечая ей: “Да, конечно”.

С приятелями мы встретились в обычном условленном месте. У Тино была перевязана голова – мать запустила в него тарелку за позднее возвращение домой. В иной раз мы посмеялись бы над этим происшествием, но не в тот день: нам не давал покоя вопрос, что делать с оружием и деньгами.

Для начала мы пересчитали деньги: девять миллионов лир, то есть девять пачек, в каждой десять купюр по сто лир.

Мы также испытали оружие, расстреляв около пяти лент с пулями. В мешке оставалось еще несколько таких лент. Потом Тино неудачно выстрелил из винтовки. Она выскользнула у него из рук, ударилась о землю и выстрелила еще раз: чудом никто не был ранен, но от грохота у нас едва не лопнули барабанные перепонки. Пожалуй, забавы с огнестрельным оружием были нам не по зубам.

Сначала мы решили разделить девять миллионов лир между собой, взять по пистолету и спрятать каждую долю в отдельном тайнике.

Черт возьми, по три миллиона на брата! Раньше мы даже в глаза не видывали таких денег! Месячная зарплата моего отца в конце семидесятых составляла четыреста пятьдесят

тысяч лир. Столько же стоил новенький мопед “Веспа”³, моя мечта. Но тогда я не мог просто пойти и купить “Веспу”, не вызывая подозрений. Впрочем, я догадывался, как это проверить: я мог купить мопед от лица кого-нибудь другого.

Еще раньше я убедил отца купить мне старенькую подержанную “Веспу” за сто пятьдесят тысяч лир – якобы для того, чтобы ездить на работу. На самом деле от этого мопеда мне нужна была только табличка с регистрационным номером, которую я навесил на новый – краденый. Я переокрасил его в превосходный темно-синий цвет. Мопед был великолепен, хотя лишь табличка с номером досталась мне честным способом. Все остальное – обшивку, колеса, глушитель, двигатель в семьдесят пять киловатт, фары – я позаимствовал у десятка других “Весп”.

В то время, окончив среднюю школу, я подрабатывал на заводе – ради “навыков”, и зарабатывал по сорок тысяч лир в месяц. Да разве смог бы я заработать на новенькую “Веспу” моей мечты с такой зарплатой, которую я к тому же отдавал матери?

Однажды утром, по дороге на завод, я увидел отца и других рабочих, они только что закончили смену. Все были в высоких резиновых сапогах, запачканных грязью.

Не знаю почему, я хорошо запомнил эту сцену. В голове стали кружить беспокойные мысли.

В тот день я пообещал себе, что не буду жить, как они.

Собака успокоилась, вой больше не слышен. Голова гудит от набегающих мыслей. Возвращаюсь к дням юности, и меня мучит только один вопрос: почему я вырос таким?

Если бы можно было определить точный момент, начиная с которого все пошло наперекосяк, выделить событие, эпизод, человека, повлиявшие на формирование характера, на выбор пути и заставившие пойти именно такой дорогой, а не иной, я, пожалуй, назвал бы тот далекий день, когда я, пятнадцатилетний мальчишка, вместе с друзьями отправился воровать щенков и оказался перед тайником с оружием и деньгами.

Но, поразмыслив, я прихожу к выводу, что та находка не была решающей. Она стала важной, но не решающей.

Дело не в дурной компании, неправильных друзьях, как принято считать в подобных случаях. Нет. Я таким родился, и все. Не могу подобрать подходящих слов. Окажись я в тот день один, без друзей, я поступил бы точно так же. Потому что я был преступником уже с ранних лет. Но тогда я не осознавал этого, вот и все.

В нашей семье было много детей, и мы кое-как перебивались на жалкую зарплату отца. В подростковом возрасте я был еще неспособен размышлять над собственными поступками. Стоило мне увидеть вещь, которая мне нравилась и которую я не мог получить законным путем, как я тотчас крал ее. Я знал, что это неправильно, но не понимал почему. И представьте, каково это: чем дальше заходишь, тем труднее выбраться из этого мира. Если бы я тогда имел такую голову на плечах, как сейчас! Но кто знает, стал бы я размышлять подобным образом, не окажись я здесь.

Лежу, устремив взгляд в пустоту, заложив руки за голову. Мой сокамерник храпит так, что от его храпа скрипят нары. Лучшие уж собачий лай вдалеке.

³ “Веспа” – знаменитый итальянский мопед, спроектированный Коррадино Де Асканио; выпускается концерном “Пьяджо” с 1946 г. по настоящее время. Из-за доступной цены, легкой конструкции и маневренности пользуется особой популярностью у итальянской молодежи. Своим названием (ит. *vespa* – оса) обязан звуку мотора и форме корпуса. (Здесь и далее – прим. ред., если не указано другое.)

Секрет

Уже прошло несколько дней с тех пор, как мы обнаружили тайник, и пока ничего особенного не случилось. Наш секрет никто не раскрыл. Но Нелло и Тино устали жить в постоянном страхе. Они не знали, где прятать пистолеты. Ясное дело: только не дома. Наконец они вернули оружие туда, где мы его нашли. Я всегда носил свой шегольской пистолет при себе, но перед возвращением домой прятал его в остоле старой брошенной машины и забирал оттуда всякий раз, когда выходил из дому.

А вот деньги мы начали потихоньку тратить: соблазн был слишком велик. Мы сделали себе превосходный подарок в виде новенькой футбольной формы и фирменных кроссовок, которые в то время стоили целое состояние. Джинсы, футболки, куртки. Первые подозрения не заставили себя ждать. Как только я надел обновки, мать заинтересовалась, откуда у меня эта куртка, рубашка и брюки. Я по привычке солгал ей, что одолжил все у друга.

– Так и сказать отцу, чтобы успокоить его? – спрашивала она.

– Да, конечно, успокой его, – отвечал я. Хотя не приходилось сомневаться, что мать не верила ни одному моему слову. Но именно поэтому я был уверен, что она ничего не скажет отцу. Я не хотел расстраивать ее и стал выходить из дому в обычной одежде, а потом где-нибудь тайком переодевался.

Мы стали настоящими пижонами. Как-то раз Нелло, покупая три кусочка арбуза, вытащил из кармана целую пачку банкнот в сто лир, и об этом тотчас узнал весь городок. Включая наших родителей, разумеется.

На следующее утро отец выволок меня из кровати за волосы и принялся колотить.

– Куда ты спрятал бидон? – кричал он мне в лицо.

– Какой еще бидон? – изумился я, прикрывая руками голову от ударов.

– Не притворяйся! Выкладывай!

– Я ничего не знаю.

– На этот раз я тебя точно убью, – продолжил отец.

В тот день я едва ли смог бы сосчитать все полученные от него тумаки. Досталось даже матери, которая пыталась его остановить.

Когда отец устал меня бить, он посадил меня на цепь, пристегнутую к балконной решетке.

– Отнекиваться бесполезно, – как можно мягче убеждали меня дядюшки.

– Тино уже раскололся, – коварно добавил кузен.

“Тино не мог нас предать, – подумал я. – Меня так просто не надуешь”.

– Если вы все знаете, почему продолжаете избивать меня? Что вам от меня надо?

– Послушай меня хорошенько, – сказал дед, упрекнув отца за то, что он меня связал. – Дело очень серьезное. Фитузо приходил ко мне. Он сказал, что именно ты нашел спрятанный им бидон, содержимое которого он хотел бы вернуть. Послушай-ка, внучек, если вы взяли тот бидон, скажи мне, и мы просто все вернем ему.

Дед почти убедил меня своим миролюбивым тоном, но я поклялся товарищам хранить секрет и не мог нарушить клятву. Я решил сначала поговорить с ребятами, а потом мы, возможно, вернули бы все назад.

– Дедушка, я, правда, ничего не знаю, – сорвалось с моих губ. И дед – убежденный в моей невиновности или нет, сказать сложно, – приказал всем оставить меня в покое. Он отправился поговорить с Фитузо, чтобы тот объяснил, почему он подозревает именно меня.

– По словам местных, в тех краях всегда ошиваются Сорняк, Манчино и Гроссо, но прямых доказательств, что они взяли бидон, у меня нет, – сказал пастух.

Меня освободили, несмотря на подозрения дядьев и отца, твердившего деду, что тот плохо меня знает и не представляет себе, какой я обманщик.

– Ну уж мне-то он никогда не солгал бы, – ответил дед, и его слова прожгли меня насквозь.

Тино и Нелло тоже выдержали допрос. Никто из нас троих не раскололся. На этот раз с нами не было Тото Фимминеддды, и наш секрет остался между нами. Но испугались мы не на шутку. Мы поняли, что попали в крупную переделку.

Я попытался убедить товарищей, что, возможно, лучшим выходом будет все вернуть. Но они не желали ничего слушать.

– На эти деньги я женюсь, – говорил Тино.

Я подумал о своем отце, который каждый день выходил с завода в грязных сапогах.

Мы с радостью возвратили бы винтовки и пистолеты, но не деньги. Однако убедить всех, что мы нашли только оружие, было бы сложно. И решили не признаваться, а лишь урезать расходы, чтобы наше богатство не бросалось в глаза. Отец продолжал смотреть на меня с подозрением. Ничего не оставалось, как жить на честно заработанные тысяча четыреста лир в неделю, которых хватало на кино, пиццу и газировку.

Тино лучше всех знал, куда хочет вложить свои деньги. Нелло ходил тише воды ниже травы: отец содрал с него три шкуры. Позднее Нелло признался, что чуть было не сдался в тот день.

Между тем Фитузо каждый раз, как встречался со мной, повторял:

– Эй, Сорняк, это ты украл деньги!

– Какие такие деньги я украл? – пожимал я плечами.

– Хоть оружие верни, – не унимался он.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь. Какое оружие? Если не перестанешь досаждать мне, расскажу дядьям! – Так я пытался заставить его замолчать.

Несколько дней спустя на овчарне обнаружили два трупа: Фитузо и его друга.

От этого известия нам стало не по себе. Мы сразу смекнули, что отчасти виноваты в этом.

На следующий день карабинеры арестовали двух человек, подозреваемых в убийстве. Один из арестованных признался, что Виченцо Фитузо присвоил украденные ими деньги.

Мы с Нелло и Тино снова поклялись друг другу хранить наш секрет всю жизнь: если его раскроют, нас тоже прикончат. Находка должна была оставаться тайной, и страх навсегда запечатал нам рты.

Я не спал несколько ночей кряду – меня мучили кошмары. Я и представить себе не мог, что наш поступок приведет к столь серьезным последствиям.

В любом случае, трагическое развитие всей этой истории убедило отца в моей невиновности. Он часто повторял матери, что раскаивается в учиненных им напрасных побоях и в том, что всегда считает меня отпетым хулиганом. Ведь, в сущности, я всего лишь мальчишка.

Естественно, я всячески старался поддерживать в отце это убеждение и чувство вины. Держался с ним холодно и бросал в его сторону взгляды, в которых читался упрек за несправедливую ко мне строгость. В итоге отец стал мягче и снисходительнее, и это было его серьезной ошибкой.

Рассветает, и слышен лязг железных ворот. Должно быть, приехал фургон с хлебом. Каждый день начинается с одних и тех же звуков и тянется в изнуряющем, однообразном ритме. За всю ночь я так и не сомкнул глаз. Но это пустяки. Времени для отдыха здесь предостаточно. Клаудио, мой сокамерник, заворочался на нарах – видно, просыпа-

ется. И уже представляю, как через минуту он встанет, переоденется за ширмой и устроится своей стокилограммовой тушей на парашу. От этой мысли становится тошно. Самая большая свобода, на какую я могу претендовать здесь, – отдельная камера. Пусть даже крошечная. Зато с моими собственными звуками и запахами. Поворачиваюсь лицом к потрескавшейся холодной стене.

Если бы отец продолжал меня колотить и не сомневался в моей виновности, каким человеком я стал бы? Риторический вопрос.

Кражи

Она была красотка, ее звали Розанна. Я спросил, не хочет ли она потанцевать со мной, и она согласилась.

Первая настоящая любовь в моей жизни. Едва подворачивался случай, я сбегал с работы и на своей перекрашенной “Веспе” мчался из Казамарины, где я жил, в Джардини – навестить Розанну.

Старшая сестра Розанны, Лелла, встречалась с парнишкой из моего городка, Пеппе Темпестой. Мы с Пеппе поладили и стали вместе ездить в гости к нашим возлюбленным.

Знакомство с ним и страсть к Розанне отдалили меня от друзей детства. К тому же Тино и Нелло хотели спокойной жизни. Они отдали мне на хранение все оружие и деньги. Оружие я должен был постепенно продать, а выручку поделить с ними. Но я так никому и не продал его; точнее, я выкупил оружие у товарищей, отдав им сумму, равную его стоимости.

Наша школьная компания, а лучше сказать – банда, распалась, но дружба осталась дружбой. Общая тайна связала нас на всю жизнь.

Теперь у меня была Розанна, и после поцелуев я распялся настолько, что должен был идти к проституткам и платить им за ночь непомерно высокую цену в пять тысяч лир. И все из-за упрямства Розанны, которая желала остаться девственницей до свадьбы.

Однажды вечером, проводив до дома своих невест, мы с Пеппе вернулись за моей “Веспой”, но не обнаружили ее в том месте, где оставили. Мопед угнали!

Я сразу сообразил, чьих это рук дело. Я давно заметил, что местные ребята как зачарованные смотрели из бара на мой мопед, пока я проносился мимо. Как-то раз один из них подошел ко мне и, сглатывая слюну, спросил о деталях.

Я ответил ему надменно и небрежно, гордый тем, что местные облизывались на мою “Веспу”.

Вот они-то и угнали, никаких сомнений. Я ворвался в бар вместе с Пеппе, который напрасно пытался остановить и успокоить меня.

Парни сидели за своим обычным столом и смеялись. Стоило им увидеть меня, как они изменились в лице и притихли, что подтвердило мои подозрения.

Я отозвал в сторону того, кто мне показался зачинщиком, и приказал ему немедленно вернуть мопед. Он сказал, что ничего не знает. Мы заговорили на повышенных тонах, потом пустили в ход кулаки.

Казалось, его приятели предполагали подобное развитие событий, они сразу поднялись со своих мест и стали наступать на нас с Пеппе. В мгновение ока мы были окружены десятком крепких парней, которые принялись избивать нас до крови.

По чистой случайности мимо проходил школьный учитель, хорошо знавший их всех, и ребята тотчас унесли ноги прочь.

Учитель подошел к нам и помог встать. Он хотел проводить нас до больницы, но мы отказались и ушли восвояси, хотя у нас ныла каждая косточка. Особенную боль мне причиняла мысль о том, что из-за меня пострадал мой друг. Я досадовал, что вовлек его в эту переделку. Но в то же время восхищался им, потому что Пеппе не сбежал и не бросил меня. Местные не просто как следует вздули меня, но вдобавок сломали ребро, о чем я узнал несколько лет спустя. Долгое время, прежде чем оно срослось, я морщился от боли всякий раз, когда наклонялся.

Но, как говорится, нет худа без добра. Впоследствии под предлогом этой травмы я уклонялся от некоторых работ в армии.

В тот день, пусть даже избитые по полусмерти, мы не отступили от правила “око за око” – угнали мотоцикл у местных и вернулись на нем в Казамарину. Однако гнев не остав-

лял меня, и я предложил Пеппе отомстить по-настоящему. У него тоже горели ссадины, но он дал мне время поразмыслить как следует.

– Нас двое, а их целая банда. Они нас прикончат.

– Нас тоже много, – уверил я Пеппе. – Я познакомлю тебя кое с кем из своих друзей.

Он согласился. Потом я проводил Пеппе до дома, попросил спирта, чтобы промыть наши раны, и обещал вернуться позже.

Я взял из тайника два пистолета и сразу отправился к Пеппе. Увидев оружие, он, скорее, воодушевился, чем струсил. В этот раз он тоже не подвел меня. Оправившись после драки, я снова спросил Пеппе, намерен ли он ехать со мной в Джардини.

– Поехали, – ответил он без колебаний.

От боли я не мог вести мотоцикл, поэтому за руль сел Пеппе. Добравшись до Джардини, мы принялись рыскать между домов, стараясь держаться подальше от горящих окон и фонарей: тьма прикрывала нас. Внезапно мы увидели одного из тех парней, он искал место, чтобы припарковать свой мопед.

Мы хотели сразу же подойти к нему, но парень вошел в игровой зал: там собрались все его приятели, которые избили нас до полусмерти.

– Что будем делать? – спросил Пеппе.

– Подождем, – ответил я.

Я злился не столько из-за угнанной “Веспы” – тогда я без проблем купил бы себе новую, – сколько из-за боли и унижения. Их смех все еще отдавался в моей голове. Спустя полчаса они начали выходить из заведения.

Я спрятался за машиной и командовал Пеппе встать на другой стороне улицы: наверняка кто-нибудь из них попытается сбежать, и Пеппе пригрозит ему пистолетом. Я сказал другу – хотя сам не был в этом уверен, – что стрелять ему не придется, поскольку беглец остановится, заметив оружие.

Я бросился на самого крупного из парней, который тогда избивал меня особенно жестоко, повалив на пол. Я был безжалостен, как хищник со своей добычей, и, следуя примеру из кино, нанес ему пистолетом сильный удар по голове. Хлынула кровь. Остальные застыли на месте, точно парализованные.

– Я убью вас всех, если не вернете “Веспу”! – кричал я, грозя оружием. Один из банды сразу вызвался проводить меня к тому месту, где они спрятали мопед. Я сказал Пеппе, чтобы сходил он, а я тем временем присмотрю за этими молодчиками.

– Что же вы не смеетесь, как смеялись в прошлый раз? Отчего повесили нос? Ну же, смейтесь. Если не засмеетесь, я прострелю вам ноги!

Жалкие людишки. Они принялись обвинять друг друга в краже. Кто-то просил меня сжалиться и канючил про свою больную маму.

– А о моей матери вы подумали, пока избивали меня? Подумали, сукины дети?

Но как зол я ни был, мне не удавалось ожесточиться до той степени, в какой были жестоки они по отношению ко мне. Парни были напуганы, главарь плакал, прижимал ладони к ране на голове, пытаясь остановить кровь, и говорил, что ничего не видит.

Я заставил их раздеться и сложить на землю все, что на них было: одежду, обувь, очки, ремни, часы, и даже приказал вынуть серьги из ушей. Между тем явился и Пеппе на моей обожаемой “Веспе”: шум мотора с глушителем “Полини” показался мне дивной музыкой! Из кучи одежды я выудил свитер, оторвал рукав и окунул в бензобак. И поджег все их вещи: костер получился отменный!

Я спросил, довольны ли они зрелищем, и, поскольку никто из шайки не посмел жаловаться, заставил их смеяться: “Ну же, смейтесь, смейтесь!”

Они прикрывали срамные места руками и смеялись, чтобы не расплакаться.

Я вскочил на свою “Веспу” и сказал:

– А теперь мне пора, но я еще вернусь, да не раз. И вы не посмеете угонять мой мопед, не так ли?

– Да, да да, – повторяли они хором.

Пеппе включил первую передачу, и мы медленно тронулись.

Все тело еще ныло у нас от боли, но душа ликовала – казалось, мы боги, мы сильны.

“Черт возьми, какую власть дает оружие”, – подумал я.

Пеппе смотрел на меня с восхищением и клялся, что предан мне навеки.

Вернувшись домой, я размышлял перед сном о происшедшем. Я был доволен и горд собой и впервые уснул с пистолетом под подушкой. На следующий день Пеппе рассказал, что товарищ его отца, живший в Джардини, видел на улице голых парней. “Ничего святого у вас нет, бесстыдники!” – сказал он им. Мы чуть не лопнули со смеху.

Но история на этом не закончилась. Родители тех ребят заявили карабинерам, что двое неизвестных в масках, на “Веспе”, обобрали их бедных детишек. Естественно, примерные ребята не стали рассказывать, как обстояло дело.

Я был взбешен и даже собрался навестить их, но, рассудив здраво, решил, что пока лучше вообще не показываться в Джардини. Карабинеры искали черную “Веспу” с багажником и глушителем “Полини”. Пришлось разобрать ее на запчасти.

Несколько дней спустя начальник цеха, в котором я работал, поручил мне передать небольшой шкив владельцу крупного продуктового склада. Я не заставил повторять поручение дважды, поскольку всегда был рад выбраться из душного, пропахшего маслом и паленой резиной помещения. Я приладил шкив на багажнике велосипеда и не спеша покатил к большому складу. Рабочий показал мне, где вход. Пришлось несколько раз постучать, прежде чем хриплый голос ответил: “Входи!”

Я осторожно открыл дверь. За столом сидел мужчина – по всей видимости, бухгалтер – и что-то писал. Он не ответил на мое приветствие и, даже не удостоив меня взглядом, торопливо указал рукой, куда положить шкив. Затем попросил подождать, пока он закончит расчеты, чтобы я отнес накладную своему начальнику.

“Мерзкий тип”, – подумал я и присел, хотя бухгалтер не предложил мне этого. Но попытайтесь он возразить, я бы ударил его. На столе прямо перед ним тлела недокуренная сигарета. Похоже, этот человек часто оставлял так окурки: столешница была прожжена в нескольких местах. На рубашке у него темнели масляные пятна.

Пока я рассматривал этого типа, мой взгляд упал на маленький полуоткрытый сейф, вделанный в стену рядом с его столом. Я притворился, будто у меня затекли мышцы, и потянулся вперед – рассмотреть, что лежало в ящичке, но так и не понял, что там было.

Выходя из склада, я решил как-нибудь наведаться туда.

Я рассказал об этом Пеппе. Работа на заводе уже давно опостылела нам. Со своим заработком Пеппе не мог позволить себе даже сигареты. Его дела шли настолько скверно, что несколько раз я одалживал ему деньги и постоянно делал подарки: все, что я покупал для себя, я покупал и для него. Правда, потом Пеппе сказал, что не может больше принимать от меня все эти дары.

Я в деньгах не нуждался, потому что потихоньку черпал из своей тайной сокровищницы, о которой, естественно, никому не рассказывал, даже Пеппе.

Я не подначивал его, но когда рассказал о сейфе на складе, Пеппе сам предложил: “Ограбим?”

Сказано – сделано. Мы взяли пистолеты и обрез, который выглядел поистине устрашающе. Выждали момент, когда на складе все затихнет, надели маски и вошли. Внутри никого не было, но я знал, что в комнате с сейфом сидит бухгалтер. Я распахнул дверь, и на этот раз бухгалтеру хватило ума вести себя вежливо – со мной и с господином Обрезом.

Я приказал открыть сейф, но у бедняги так дрожали руки, что ему не удавалось даже вставить ключ в замок. Вырвав ключ у бухгалтера, я сам открыл дверцу, залез в сейф почти с головой и выгреб все, что там хранилось. Деньги и ассигнации я затолкал в пластиковый пакет. Я спросил у бухгалтера, есть ли еще деньги, и тот указал мне на кассу с дневной выручкой. Я тщательно обследовал также ящики стола и в одном из них обнаружил новенькую пушку: автомат 7,65 калибра. Настоящий красавец! Тогда-то и зародилась моя любовь к автоматическому оружию.

Пеппе ждал меня снаружи с включенным мотором. Я разрядил обрез и спрятал его в сумку вместе с деньгами и пистолетами, и мы скрылись в темноте.

Через четверть часа мы сидели за столом нашего штаба – комнатки, которую мы снимали на имя родственницы Пеппе и использовали как место встречи, – и считали добычу: миллион четыреста тысяч лир мелкими банкнотами по пятьсот и сто. Нам достались также ценные бумаги, но мы не умели с ними обращаться и потому подбросили их в чей-то почтовый ящик. Часть денег мы отложили – сумму, достаточную для аренды штаба на целый год, часть я забрал себе, покрыв свои расходы на покраску стен штаба и ремонт в уборной, остальное поделили. Пистолет, разумеется, мы не могли разделить. Я подарил Пеппе свой, а себе взял найденный в ящике бухгалтера. Эта кража стала первой и не последней в моей жизни. С тех пор нас с Пеппе было не остановить. Особенно нам полюбились бензоколонки – настоящие рудники наличных денег.

Но с каждым ограблением у нас стал меняться стиль жизни, и мы стали привлекать к себе излишнее внимание. Мы одевались с иголки, угощали друзей ужинами и пиццей, сорили деньгами. Все в городке понимали, что сыновья простых рабочих едва ли могут позволить себе такую жизнь.

Иные смекнули, в чем дело, и даже были не против поучаствовать в наших “делах”, чтобы добыть денег на лечение больной сестры, или на свадьбу, или на строительство дома. Очень скоро наша компания стала слишком большой, и начались серьезные проблемы.

Нехорошие вести достигли ушей моей многочисленной родни. Отец устал колотить меня. Он уже не спрашивал, откуда я беру деньги. Когда он понял, что его сын – грабитель, он посадил меня на паром и с пугающим хладнокровием объявил, что, если я не отчаю, он убьет меня на месте. В его взгляде было что-то безумное: вымолви я тогда хоть слово, он и вправду прибил бы меня, так что я помалкивал и не смел приближаться к отцу.

Я только робко намекнул, что хочу взять кое-какие вещи из дома. Отец дал мне час времени. Прежде всего я забрал из тайника деньги, а потом пошел к матери собирать чемоданы и громко причитать, рассказывая ей о своей невиновности. Мать, однако, собрала мои вещи молча, не проронив ни слова в утешение.

“Им что-то известно, – подумал я. – Мать всегда была на моей стороне... Как же так? Значит, теперь и она против меня?”

– Вот и славно, что я уезжаю. Вам будет спокойнее. Даже гонения на Христа не были такими жестокими, – выговаривал я матери, стараясь задеть ее. Но бесполезно. Даже она желала, чтобы я покинул Казамарину и отправился работать в другое место.

Выходит, она все знала. Сомнений быть не могло.

Тогда я обнял мать крепче и сказал, что очень ее люблю. И попросил прощения за все горести, которые ей принес. Мать заплакала, и я понял, как сильна боль, которую я причинял ей.

Моя мать святая женщина. Последний раз я видел ее двадцать семь дней назад на свидании, за стеклянной перегородкой. Она по-прежнему свежа и хороша собой, вопреки всем перенесенным страданиям. И страдает она из-за меня! Каждый раз, когда охранники объявляют, что наше время истекло, мать встает, и на глазах у нее слезы. Она прижимает

губы к холодному стеклу и ждет встречи с моими губами. Мы всегда так целуемся. В губы. Но в тот день, когда отец отправил меня на остров Линоза, она не стала меня целовать. Она заплакала, и все.

Линоза

Майским утром я высадился на Линозе вместе со своим родственником, это было в начале восьмидесятых. Остров, на который меня сослал отец, лежал в ста десяти милях и в семи часах езды на пароме от Казамарины.

Тревога моя рассеялась, едва я ступил на эту райскую землю.

Я сразу же познакомился с местным пареньком по имени Микеле, он провел для меня настоящую экскурсию по острову, показав все его красоты. Мы обогнули остров на лодке, и я без труда запомнил названия всех бухточек, троп и мысов Линозы.

Среди скал из вулканических пород раскинулись великолепные дикие пляжи. Море было всегда спокойным, а рыбы не счесть – раздолье для ныряльщиков со всей Италии. Мне часто доводилось видеть дельфинов, которые резвились в нескольких километрах от берега. Когда я впервые заметил дельфина, он был на удивление близко и словно говорил: “Добро пожаловать на остров!”

На Линозе мои родственники торговали рыбой. И сразу привлекли меня к делу.

Это был утомительный и ответственный труд, но он мне нравился. Я вставал на рассвете, ждал, когда на пристани появятся рыбацьи лодки, и скупал рыбу, а потом переправлял ее оптовым торговцам из Казамарины. Я раскладывал улов по деревянным ящикам со льдом и грузил их в фургоны с холодильными камерами. Ровно в половине десятого приходил паром, который доставлял груз в Казамарину. И так каждый день.

Иногда случалось, что я не мог заплатить рыбакам – у них не было времени сойти на берег. Тогда я относил деньги к ним домой и передавал их рыбацким женам. Прохладными майскими ночами некоторые из этих женщин, пока их мужья были в море, дарили мне свою любовь.

С приходом лета Линозу заполнили туристы и прекрасные девушки. Понятно, что работа начала надоедать мне. Я нашел человека – отца многодетного семейства – и стал платить ему за то, что он замещал меня по утрам. Затем утренние часы растянулись в целые дни и недели: я платил тому человеку и доверял ему всю работу.

Я приходил проверить, как мой заместитель справляется с обязанностями, а потом уходил на пляж. В то лето меня покорила Паола, двадцатилетняя студентка из Палермо, она казалась мне потрясающе красивой. Это была, как говорится, любовь с первого взгляда. По крайней мере, я так думал. Паола приехала на каникулы в кемпинг, но скоро переселилась ко мне домой. Она собиралась пробыть на Линозе две недели, но мы провели вместе целое лето. Мы жили, как муж с женой: море, солнце, вкусная еда, танцы, секс, много секса, почти до тошноты.

Но с тех пор, как я открыл радость плотских утех, одной лишь Паолы мне стало мало. Я начал изменять ей. Однажды мы вышли на лодке в море с финской туристкой, с которой познакомились на пляже. Паола уснула, загорая на солнышке, а я занялся любовью с финкой. Мне пришлось зажимать ей рот ладонью, так она стонала, – опыт незабываемый и возбуждающий, учитывая то, что Паола дремала в полуметре от нас. Паола, влюбленная в меня по уши, никогда не поверила бы, что я способен на такое, хотя и была достаточно ревнива. Однажды она сказала, что возвращается к родителям в Палермо и что я должен поехать с ней. Она не хотела оставлять меня одного на Линозе. Я согласился, но должен был найти способ избавиться от нее.

Итак, в тот день в Палермо, пока я ждал Паолу, которая отправилась навестить родителей, я прочел газету, съел мороженое на центральной площади и решил пройтись по магазинам. Заглянув в ювелирную лавку, я заметил там изящное колечко и решил сделать Паоле подарок, прежде чем расстаться с ней.

В ювелирную лавку вела массивная стеклянная дверь, которая вращалась вокруг оси, и стоило ее толкнуть, тут же звонил колокольчик. Я вошел внутрь, поздоровался и подождал, пока появится продавец. “Есть кто-нибудь?” – спросил я спустя несколько минут. Никто не ответил. Я заглянул за прилавок и увидел мужчину, который, нацепив монокль, согнулся над работой. Я осмотрелся вокруг. Кроме нас двоих, в лавке больше никого не было.

Не знаю, какой бес в меня тогда вселился: вся ювелирная лавка была в моем распоряжении.

Я быстро шагнул за прилавок и начал открывать ящички с золотыми украшениями и завернутыми в ткань побрякушками из драгоценных камней. Я высыпал эти сокровища в мотоциклетную каску, которую кто-то оставил на стуле, затем вскрыл витрину у кассы и выгреб все, что там было выставлено. Я хотел добраться и до главной витрины, но мне не удалось ее открыть, и я решил довольствоваться тем, что есть.

Трудность заключалась в том, чтобы бесшумно пройти через вертящуюся дверь. Ладно, подумал я, если меня не услышали при входе, возможно, не услышат и при выходе. Я осторожно толкнул дверь и, пока колокольчик звенел, вышел на улицу и скрылся в закоулках Палермо.

Чуть погодя я зашел в магазин одежды и купил себе футболку и два летних костюма, положив их в пакет, любезно предоставленный кассиром. Прежде чем выйти из магазина, я сказал продавщице, что хочу примерить еще один костюм. В примерочной я соорудил из футболки нечто вроде мешка, развернул сверток с золотыми украшениями – браслетами, цепочками, серьгами и кольцами, – высыпал их в свой импровизированный мешок и покрепче завязал его концы. Затем я спрятал тюк между двумя новыми костюмами, что были в пакете, а ткань от украшений затолкал в каску. Покинув магазин, я выбросил каску в первый попавшийся мусорный бак. После этого я позвонил Паоле и сообщил ей, что должен срочно вернуться домой, в Казамарину, по семейным обстоятельствам:

– У тебя есть билеты. Можешь вернуться одна на Линозу, а я приеду туда через несколько дней.

Она вопила, как сумасшедшая. Я быстро положил трубку, вызвал такси и заплатил водителю вперед: до Казамарины было около двух часов езды. Прибыв в свой городок, я спрятал золото в надежном месте и тем же вечером, стараясь остаться незамеченным, сел на паром к Линозе.

На следующий же день я отправился на работу. Ровно через час позвонил отец. Он хотел удостовериться, что я на самом деле нахожусь на острове, – кто-то сообщил ему, что видел меня в Казамарине.

– Снова шпионишь за мной? – возмутился я.

Отец ничего не ответил, но стал названивать каждый день. Шестое чувство подсказывало ему, что моим словам доверять нельзя.

Паола позвонила мне вся в слезах. Ее родным стало известно про наш роман, и они не выпускали ее из дому. Но она уже подготовила побег и надеется скоро добраться до Линозы. Я разъяснил ей, что должен вернуться к себе домой, и обещал позвонить, как только доеду до Казамарины. Я повесил трубку: девчонка, верно, спятила.

В бегах

Мой родственник разбудил меня с утра пораньше. Я должен был немедленно собрать все свои пожитки и исчезнуть. Меня разыскивали карабинеры.

Пока я прохлаждался на Линозе, мои приятели из Казамарины продолжали грабить. Вечером накануне некоторые из них были арестованы за ограбление и на допросе выдали карабинерам все, назвав и мое имя. Один карабинер, знакомый моего кузена, предупредил того, что Пеппе Темпеста и остальная шайка заложили меня.

Родня сделала все, чтобы защитить меня. Прежде чем карабинеры постучали в дверь моего домика на Линозе, я отбыл в Казамарину в трюме рыболовного судна. В голове не укладывалось, что Пеппе предал меня. Много лет спустя он объяснил мне, что выдержал избиение на допросе, но был обманут своим адвокатом, который солгал ему, будто я тоже сдал его. Лишь тогда я понял, в чем дело. А в те времена мы еще не успели набраться опыта в общении с правосудием.

Как только я прибыл в Казамарину, меня тут же переправили к родственнику в Равазу, местечко неподалеку от моего родного городка. Отец и дядя не приезжали навещать меня, опасаясь, как бы их не выследила полиция.

На мое имя пришла повестка, но я уклонялся от явки в суд. Я перебирался из одного городка в другой, менял жилье. Меня прикрывал целый клан родственников и их друзей. Я превосходно изучил географию своей провинции.

Это была ужасная жизнь, полная страха и лишений. Ночная тьма, молчание и одиночество стали моими единственными спутниками. С трудом мне удалось выпросить маленький телевизор – с условием включать его только по вечерам, когда из всех окон струится свет. Я перемещал пешком или на велосипеде, в постоянном страхе наткнуться на кого-нибудь из знакомых. Нет, такая жизнь была не по мне. Я устал прятаться и целыми днями играть в карты, смотреть телевизор или читать. Но в противном случае меня ожидала тюрьма.

Видя эти мучения, мой дядя предложил покинуть на время Сицилию и немного развеяться. Разумеется, он действовал без ведома деда и отца, которые хотели, чтобы я в полной мере прочувствовал, насколько жалкой и лишенной романтики может быть жизнь беглеца и преступника.

Добрый дядюшка добыл фальшивый паспорт и спровадил меня в Милан, где я провел несколько месяцев в компании людей, легально работавших на севере страны уже более десятка лет. Уныние как рукой сняло. В Милане за мной присматривали Фофо, близкий друг дядюшки, и двое его приятелей, Диего и Лео, – они явились в Милан, чтобы “ощипать” в карточной игре крупного ломбардского промышленника, изрядно проигравшегося в Гамбурге несколькими месяцами ранее.

Именно Фофо пришла в голову идея предложить дядюшке свозить меня в Гамбург.

– От повестки в суд скрываются в больших городах, а не в деревушках, а еще лучше – в другой стране, где проще затеряться в толпе, – убеждал он меня. На самом же деле Фофо пытался вовлечь меня в шулерские дела, которые он проворачивал в Гамбурге с Диего и Лео.

Фофо стал моим ангелом-хранителем. Он наказал мне оставаться в Германии, пока не начнется судебный процесс и не вынесут приговор. По крайней мере, таковы были наши первоначальные намерения.

Гамбург

Жарким летним днем я прибыл на Гамбургский вокзал.

Город показался мне, семнадцатилетнему парню, огромным и суетливым. Сойдя с поезда, я сел на скамейку и стал ждать, пока меня встретят, – так было велено. Я с любопытством разглядывал сновавших мимо людей, они не смотрели друг на друга, но иногда задерживали взгляд на мне. Прежде всего молодежь: они косились на меня так, будто я прибыл с другой планеты. Однако, подумал я про себя, одет-то я по моде. Щегольские летние туфли, фирменные джинсы – причем из заднего кармана с нарочитой небрежностью торчал желтый платочек, – красивая футболка под легкой желтой курткой.

В общем, я шел в ногу с модой – по крайней мере, сицилийской. Кумиром нашей компании был Мигель Бозе, исполнитель модной тогда песни “Супермен”.

Немецкие молодые люди, напротив, одевались отвратительно. Они носили широкие штаны и разноцветные рубашки в цветочек, которые в моих глазах смотрелись просто неприлично.

Девушки, однако, были почти все красавицы: высокие блондинки с голубыми глазами. “Боже праведный, – думал я. – Неужели я оказался в стране чудес?” Немки словно сошли с глянцевого обложки. Иностранок я видал и прежде. Летом на Сицилию их приезжало немало. Иногда мы с приятелями, спрятавшись за скалами, подглядывали за очередной иностранкой, которая купалась или загорала с обнаженной грудью.

Пока я размышлял об этом, сидя на скамейке, время шло, но никто не приходил. Я начал волноваться. У меня с собой были только адрес, номер телефона и горстка немецких марок, о стоимости которых я понятия не имел.

Вдруг я заметил Лео и Диго. Они исподтишка наблюдали за мной и потешались над моей растерянностью.

Лео был типичным сицилийским парнишкой: низкорослый, с темными кудрявыми волосами, добродушным лицом, озорным блеском в глазах и лукавой улыбкой. Лео родился в Гамбурге в семье сицилийцев, задолго до его рождения переехавших в Германию. Он прекрасно болтал по-немецки и знал город как свои пять пальцев, но не умел читать. Об этом я узнал позднее, когда мы сидели на балконе его квартиры и я спросил, как пишется его фамилия – Камелло, – с одним “л” или с двумя. Лео покраснел и, поколебавшись, ответил, что не знает. Я опешил: значит, он безграмотный? Но больше всего меня поражал тот факт, каким образом он умудрялся безошибочно ориентироваться повсюду, в том числе во время нашего длинного путешествия из Германии в Италию.

Диго родился в области Марке. На тот момент ему было сорок. Коренастый, приятной наружности, с иссиня-черными волосами и карими глазами. Между нами установились серьезные дружески-деловые отношения. Его невозможно было обыграть в рамс – Диго гениально просчитывал все ходы. Он также превосходно играл в шахматы. Самый старший из нас, он содержал семью и дом. “Не считая собаки”, – прибавлял он. Именно поэтому Диго не одалживал деньги.

У меня, Лео и Фофо, напротив, никогда не было трудностей с деньгами. Мы без колебания одалживали друг другу – просто доверяли, и точка.

Конечно, сперва между нами возникали разногласия, ведь каждый отличался упрямством и крутым нравом. Но постепенно мы научились ценить достоинства друг друга и смеяться над недостатками.

Для начала Диго и Лео привели меня в большой центр красоты с сауной, турецким хамамом, джакузи и искусными массажистками. Там был даже ресторан.

Мы перекусили, а потом переместились в “Каламбо”, клуб, где ребята слыли постоянными клиентами. Они проводили меня к потайной двери, за которой оказался маленький бассейн с теплой водой и четырьмя прекрасными обнаженными нимфами. Рядом с бассейном стоял Фофо, он протянул мне бокал шампанского и спросил: “Четверых тебе хватит?”

Я скользнул в бассейн и провел одну из самых прекрасных ночей своей юности. Я был жаден до плотских утех. На Сицилии за одну невинную ласку получали пулю в лоб. С тех пор я не мог насытиться любовью.

Фофо был моим наставником. Широкоплечий, настоящий спортсмен, он часами пропадавал на тренировках и в результате стал почти профессиональным боксером. В известных кругах его уважали как серьезного, надежного человека.

Хотя Фофо отучился в немецкой средней школе, его мировоззрение осталось сицилийским, достаточно традиционным, как и у многих эмигрантских семей из Италии, с которыми я познакомился в Германии. Молодое поколение, выросшее на Сицилии, отличалось более гибким мышлением.

Фофо обучил меня мастерству карточного шулера, рассказал все хитрости, и скоро я продемонстрировал ему свои выдающиеся способности в тасовании колоды и комбинировании карт. Ученик превзошел учителя.

Карты, женщины, шампанское. Боже мой, как далека сейчас от меня вся эта жизнь! Я с трудом верю, что прожил ее и что это не видение, вызванное бессонницей и прозябанием в сыром карцере. В последний раз мои ухоженные руки с тонкими пальцами держали игральные карты здесь, в тюрьме, Бог знает сколько лет назад: жалкая партия в дурака с верзилой, который был тогда моим соседом по камере. Громадный, жирный, волосатый, он напоминал гориллу и двигался, как горилла. Мы разыграли пачку сигарет, хотя я не курю. Я постоянно выигрывал у него по десятку сигарет, а потом возвращал обратно. Так что мой сокамерник был готов играть до бесконечности.

К женщине я не притрагивался уже лет двадцать. Боже мой! Двадцать лет без секса. Вы можете себе это представить?

Сегодня я получил письмо от женщины, которая утверждает, что влюблена в меня. Говорит, что впервые увидела меня в зале для свиданий несколько месяцев назад: она пришла проведать брата, а я встречался с сестрой. Эта женщина пишет, что с тех пор все ее мысли обо мне. Она даже навела обо мне справки и клянется, что хотела бы серьезных отношений с таким человеком, как я. Ради любви. Я получал и другие предложения подобного рода. Но не стал придавать им значения.

Заклученный вряд ли может позволить себе любовь, пока отбывает срок. Я думаю, настоящая любовь возможна лишь рядом с любимой, когда вы проживаете вместе каждый день. А пока я в тюрьме, не хочу иметь никаких отношений с женщинами. Покуда я здесь погребен, это бессмысленно. Я вправе испытывать безграничную любовь только к моей матери и моим родным.

Жизнь в большом городе

Впервые год своей немецкой жизни я не мог обойтись без Лео. Без него я шагу не мог ступить – он стал моим гидом и научил меня ориентироваться в Гамбурге. Впоследствии, если мне случалось заблудиться, я прибегал к одному хитрому способу, чтобы найти дорогу: следовало вспомнить расположение выездов с автострады.

В восемнадцать лет я задумался о водительских правах. Я водил машину с тринадцати лет, и казалось, что получить права проще простого. Но я ошибался. В Гамбурге инспектор оказался на редкость дотошным, и мне пришлось зубрить все правила, прежде чем меня допустили к экзамену. Сперва я сдавал теорию и ни разу не ошибся, а потом вел машину в черте города и на автостраде. Права достались мне нелегко, зато я стал уверенным водителем и помнил каждый знак. На Сицилии водили все кому не лень, но никто не соблюдал правил. Достаточно было самой пустяковой аварии, чтобы завязалась жестокая драка.

На свой первый карточный выигрыш я купил черный “БМВ”. Машина – загляденье, особенно для восемнадцатилетнего парнишки, который на Сицилии сидел за рулем дряхлой колымаги, взятой напрокат у приятеля. Теперь же достаточно было нажать на газ, чтобы почувствовать, как машина словно отрывается от земли. На просторных немецких шоссе не существовало ограничений по скорости, я выжимал двести километров в час, и двигатель отлично справлялся с задачей. На Сицилии уже при сорока километрах в час моя развалина начинала тарыхтеть так, будто вот-вот взорвется.

Я быстро обжился в Гамбурге, снял большую квартиру на улице Репербан⁴. Я стал независимым, на что Лео слегка досадовал.

Постепенно наша с Лео дружба сошла на нет. Мы едва не поссорились, когда Лео проиграл в нарды почти все деньги из общей кассы – порядочную сумму, накопленную игрой в покер, домино и крапленые карты. Я разозлился, но простил друга. С тех пор в нашей компании установилось жесткое правило: мы перестали ставить на кон деньги из общей кассы. Проигрыш одного ставил под угрозу всех. Фофо был неподражаем. Он взял кредит в банке и восстановил мир среди товарищей. Причем его поступок был продиктован, скорее, добрыми чувствами, нежели выгодой: в сущности, он не нуждался в нас, а мы и шагу ступить не могли без его мудрых советов.

Лео согласился принять помощь, так как прекрасно понимал, что и сам натворил дел.

Менее чем за месяц мы выплатили весь кредит благодаря моим выигрышам в покер.

Однажды вечером в итальянском ресторане “Марлетта” я обыграл пьяного немца, который похвалялся перед своей спутницей, будто он мастер в азартных играх. За каких-то полчаса я лишил его тридцати тысяч марок и золотых часов “Ролекс”. На следующий день разозленный немец пришел отыграться, но я разорил его еще на пятьдесят тысяч. Понятно, это была ощутимая прибыль в нашу общую копилку. Тогда же я смекнул, что в качестве помощницы мне не помешала бы красивая женщина: мужчины легко отвлекаются на красоту и не так внимательно следят за игрой.

После той удачной партии мой авторитет в группе изрядно вырос. А когда Фофо подустал от игр, я взял дело в свои руки, сосредоточившись, главным образом, на покере. Диего не знал себе равных в рамсе, Фофо ловко бросал кости, но уже без прежнего задора, хотя ему удавалось, ставя на кон небольшие деньги, выигрывать внушительные суммы. Мы вели беспорядочную жизнь. Дни напролет спали и выходили из дому только к вечеру. И тут нужно было не прозевать свою удачу, ведь схожим ремеслом занимались славяне и турки,

⁴ Репербан – центральная улица знаменитого портового района Санкт-Паули, здесь сосредоточена ночная и развлекательная жизнь Гамбурга.

они использовали те же приемы, что и мы, перетекая из одного заведения в другое, выслеживая добычу. Лакомый кусок доставался тем, кто опередил соперников.

Мы решили поделить город и договорились, что каждый станет промышлять лишь в границах своих владений. Стоило появиться цыпленочку, которого можно было ощипать, один из нас быстро созванивался с остальными, и мы собирались в условленном месте. Стратегия была тщательно продумана. Одурачить очередного олуха не составляло труда: мы предлагали ему спиртное и кокаин, чтобы, с одной стороны, он не стал клевать носом раньше времени, а с другой – был бесшабашен в игре и готов поставить на кон все до последней марки. В восемь утра открывались банки, и вот тут-то мы ловко обыгрывали бедолагу, стараясь вести партию лишь с небольшим отрывом в нашу пользу. Жертва без колебаний подписывала счет, и Лео отправлялся обналить его. Получив от Лео подтверждение, что на счету достаточно средств, мы потихоньку удалялись с места расправы, позволяя другим игрокам подбирать крошки после нашего пиршества и вяло доигрывать кон с простаком, не предлагая ему больше кокаина.

Нам хватало одного крупного выигрыша в месяц, чтобы покрыть немалые расходы.

Конечно, охота – дело непростое, и мы прекрасно понимали, что разоряли отдельных людей и целые семьи. Но и те, кто играл с нами, готовы были нас уничтожить. В мире азартных игр царит закон джунглей.

Я получал удовольствие от такой жизни. Мне нравилось, что родители и многочисленные родственники больше не дышат мне в затылок. Я почувствовал вкус свободы. Сицилия осталась где-то далеко, и я даже не вспоминал о ней.

Свобода! Что значит для меня свобода сегодня? Жизнь за пределами этих стен – что она такое для человека, не вкушавшего ее уже более двадцати лет?

Свобода – это море, например. Голубое море, бесконечное и манящее. Я рассекал его сильными руками, выучившись плавать у своего деда. Мое море, всегда чистое и прозрачное. Благоухающее и вечное. Соблазнительное даже ночью, когда при свете луны я нырял в его объятия и плескался, несмотря на упреки дядьев. Иногда они рыбачили по ночам, а я зачарованно любовался небом, усеянным звездами. Глупенький мальчик, я пытался сосчитать их, но сбивался, дойдя до двадцати.

Что я отдал бы сейчас за один день на море? Мне хватило бы только шума прибоя. Монотонного плеска, что убаюкивал меня бесконечными одинокими ночами на Азинаре⁵. Музыка моря утешала, утоляла боль. По крайней мере, мне так казалось.

Сейчас море – единственный яркий мазок на полотне моих воспоминаний.

⁵ Азинара – маленький гористый остров у северо-западной оконечности Сардинии. В годы Первой мировой войны здесь размещался лагерь для военнопленных; в 1970-е гг. на острове основана тюрьма особо строгого режима, одна из самых надежных в Европе, – сюда отправляли членов мафиозных кланов и террористов. В 1997 г. тюрьма была закрыта, а территория Азинары включена в состав национального парка. Сегодня остров практически необитаем.

В “Каламбо”

Нам нравилось хорошо одеваться. Важна была каждая деталь. Однажды мы с Фофо и Лео отправились в лучшее ателье Гамбурга и заказали себе по костюму. Мы с Фофо предпочли классику: темный пиджак, белая рубашка. Лео выбрал броскую фиолетовую пару. Мы пытались убедить его, что он выглядит смешно, но Лео с негодованием ответил, что в темном он кажется ниже ростом.

В Германии не продавали модной повседневной одежды. Поэтому мы отправляли Лео в Милан – с нашими мерками, снятыми в гамбургском ателье, и двадцатью тысячами из общей кассы. И Лео покупал у Алессандро, нашего приятеля и владельца крупного магазина одежды, брюки и свитера, нижнее белье и туфли итальянских марок. В Милан ездил именно Лео еще и потому, что он никому не доверял выбирать одежду для себя. По его мнению, мы были варварами, напрочь лишенными вкуса, и он часто повторял нам это.

Впрочем, к Алессандро мог заявиться любой из нас и одеться бесплатно, ведь по выходным он с друзьями гостил у нас в Гамбурге, и их пребывание обходилось нам недешево. Они приезжали в пятницу днем, церемонные, но без сменной одежды.

Мы вели всю компанию в сауну, где их массажировали умелые женские руки. Затем мы отправлялись в “Каламбо”, театр эротических шоу. Им управлял наш приятель Бальбо. Он был родом из Апулии и удачно женился на дочке известного французского распутника, владельца “Каламбо”, и почти стал хозяином заведения. Представления в “Каламбо” привлекали как местных, так и иностранцев. Для туристов это был незабываемый аттракцион. Особым успехом пользовалась вольная интерпретация шекспировского “Гамлета”, где несчастный сын датского короля совокуплялся с Офелией, а мать Гертруда отдавалась призракам.

Впечатляло число женатых пар, которые приходили посмотреть на это зрелище. Мне было забавно думать о том, что сказала бы моя бабушка, увидев подобный спектакль. Я прекрасно помню свое изумление, когда я впервые наблюдал в сауне мывшихся вместе мужей, жен и их детей. Я долго привыкал к таким порядкам и не сразу перестал испытывать возбуждение, находясь вместе с остальными голыми в бане. Не говоря уже о том, что случалось во время массажа...

Но вернемся к “Каламбо”. Алессандро и его друзья предпочитали снимать номера для требовательных клиентов. Я давал им пятьдесят грамм кокаина и препоручал опытным жрицам любви, с которыми они проводили ночь. На следующий день я приходил за всей этой компанией, и иногда какая-нибудь ночная бабочка, совсем одуревшая от кокаина, делала мне минет.

Кокаин действует одинаково возбуждающе на мужчин и на женщин. Я знал женщин, которым не удавалось возбудиться без наркотика, и мужчин, которые, не будучи гомосексуалистами, спаривались, одурманенные кокаином, с мужчинами ради удовлетворения страсти, заставлявшей тело мучиться.

В понедельник ранним утром я отвезил Алессандро с друзьями в аэропорт. После долгих выходных с сексом, алкоголем и наркотиками они выглядели изрядно потрепанными.

Но именно тогда я уяснил себе: для истинного наслаждения не стоит прибегать к веществам, изменяющим состояние сознания. Отслеживать и продлевать возбуждение до предела стало моим принципом.

Этой хитрости меня обучила проститутка из гамбургского квартала Санкт-Паули, где я прожил почти десять лет, с семнадцати до двадцати шести. С ночными бабочками я проводил много времени, когда они не работали. Мы встречались в супермаркетах, магазинах.

Иногда я даже давал им советы по выбору туфель или платья. Я видел их в бассейне, сауне и ресторанах. Они были мне подругами и никогда не принимали меня как клиента.

И вот я познакомился с Ниной, горячей испанкой, которая стала моей наставницей в науке любви. Я полюбился этой проститутке, и она посвятила меня в искусство обращения с женщинами. Нина всегда повторяла: каждая женщина – это целый мир.

Нина

Нина, жаркая рыжеволосая испанка. Я познакомился с ней еще совсем мальчишкой, а она была на тот момент роскошной сорокалетней женщиной. Меня сводила с ума ее пышная грудь. Нина следила за собой и была очень красива. Ее возраст угадывался только по ее обнаженному телу, которое все равно казалось великолепным. Чертами лица она напоминала Грету Гарбо – правда, у Нины были длинные рыжие волосы. Улыбалась она редко, и в ее улыбке таились ирония и разочарование. Один раз она показала мне фотографии с конкурса “Мисс Испания”, в котором она участвовала шестнадцатилетней девочкой. “Я заняла четвертое место”, – похвасталась Нина.

Впервые мы встретились в спортзале, куда ходили женщины из квартала. Нина, как я узнал позднее, считалась дорогой проституткой и принимала клиентов на дому.

В спортзале мне случалось помогать ей с гантелями. Иногда после тренировки мы шли выпить кофе. Мне нравилось беседовать с ней, тон ее голоса завораживал меня.

Я раздобыл номер ее телефона, позвонил, не представившись, и назначил встречу – хотел сделать сюрприз. Когда я появился на пороге ее дома, Нина захлопнула дверь у меня перед носом. Я замер от неожиданности. Она кричала, что так не поступают с друзьями и она чувствует себя обманутой и униженной. Я тогда ничего не понял, послал ее к черту и ушел. Однако ночью мне так и не удалось заснуть, и на следующий день я отправился в спортзал искать ее. Нина, увидев меня, рассмеялась.

– Ну и что смешного? – спросил я холодно.

– Я думала, мы друзья, – ответила она.

– Мы и есть друзья. Только вы, женщины, всякий раз повторяете: дружба дружбой, а служба службой.

– Мне сказали, что ты капризный малыш. Брось, пойдем!

Я колебался, Нина настаивала:

– Пойдем, я сказала!

Я последовал за ней, как послушный барашек, удивляясь, почему я не послал ее ко всем чертям.

“Я еще расквитаюсь с ней”, – подумал я, досадуя на свою странную покорность.

Мы пришли к Нине домой, она усадила меня на диван, налила виски, продолжая подтрунивать надо мной:

– Может быть, ты хотел апельсинового сока?

Затем Нина включила музыку и приглушила свет.

– Пойду освежусь, – бросила она небрежно.

Нина вышла из ванной, одетая в полупрозрачный короткий пеньюар. На ней были чулки, пристегнутые к черному кружевному поясу, а на ногах – лаковые черные туфли с умопомрачительными каблуками.

Представ в таком наряде, Нина привела меня в сильное возбуждение. Я бросился к ней, готовый сразу перейти к делу, однако она приказала не торопиться и медленно помогла мне раздеться, затем начала ласкать языком все мое тело. Я едва сдерживался. Но она нежно шептала мне подождать, покусывая пальцы моих ног. Если бы в тот момент она дотронулась до моего члена, я бы немедленно кончил. Но она умело оттягивала мой оргазм, возбуждая меня все больше и больше. Она делала паузу, отпивала глоточек виски, оставляя на кончике языка кусочек льда и снова брала в рот мой член, потом снова отдалялась, пила что-то теплое и повторяла свой маневр. Это было сильнее кокаина!

Наконец она оседлала меня и слилась со мной воедино. И прошептала мне томным голосом:

– Послушай, Антонио, я начну двигаться медленно, а когда ты почувствуешь приближение оргазма, скажи мне, и я остановлюсь.

Два раза я предупреждал ее, что близок к оргазму, и она останавливалась. Я сходил с ума и пытался двигаться навстречу ей, но Нина придавила меня к кровати всем своим весом, я не мог пошевелиться. Затем она снова стала покачивать бедрами вверх-вниз, вверх-вниз, после этого принялась совершать круговые движения, словно хотела вобрать в себя мой член. Еще немного, думал я, и произойдет семяизвержение; тем не менее я не чувствовал, что возбуждение растет.

Какие только позы мы не испробовали. Я с удивлением заметил, что мне не удастся достичь оргазма, хотя получал сильное удовольствие. Наконец Нина снова взяла мой член в рот, и я почувствовал, что освобождаюсь от семени, испытывая наивысшее наслаждение.

Нина стала моей наставницей в науке любви. Она научила меня всему, показала мир женщин.

– Некоторым женщинам нравится, когда им едва не кусают вульву. Для других достаточно коснуться клитора. А иные испытывают удовольствие от дурного обращения. Есть и такие, которые наслаждаются, когда берут в рот. В общем, каждая женщина – это целый мир, и существует множество способов достичь оргазма, но женщина устроена гораздо сложнее, чем мужчина. У всех женщин, дорогой Антонио, есть общая доминанта: голова. Прежде чем овладеть женщиной физически, ты должен проникнуть в ее мысли. После этого ты можешь делать с ней все, что угодно. К сожалению, – продолжила Нина, – мужчины – неисправимые солдафоны. Они не понимают, что для наибольшего физического наслаждения требуется включить голову. Нужно контролировать себя, уметь сдерживаться и неторопливо наслаждаться тем, что нам дарит жизнь. Нетерпение – враг всего.

– Непременно последую твоим ценным указаниям, – пообещал я Нине. – Но мне кажется, факты противоречат твоим словам. Вряд ли я сначала завоевал твой разум.

– В самом деле, – ответила она. – Бывают же исключения из правил.

Мы засмеялись и крепко обнялись.

Нина спала рядом со мной и казалась совсем ребенком. Пока ее глаза были закрыты, я видел в ней ангелочка, но стоило ей проснуться, как ангелочек обращался в искушительницу. Искушительницу, от которой невозможно оторваться.

С Ниной я провел много счастливых ночей любви и бесед. Я чувствовал себя зачарованным Одиссеем, плененным колдуньей Цирцеей.

Однажды утром, после очередной безумной ночи любви, я в шутку попросил ее вернуть мне прежний облик: товарищи искали меня повсюду, настала пора возвращаться на Итаку.

Ни разу не видел камеры без фотографий женщин на стенах или на створках тумбочек. Голых женщин, естественно. Попадались заключенные, которые прикалывали рядом с пышногрудой порно-звездой снимок своей жены или невесты. Одетой, разумеется.

Я всегда уважал и уважаю точку зрения других. Но этот обычай вывешивать на всеобщее обозрение фотографию голой женщины меня удручает. Точнее, раздражает. Эти картинки отягощают наказание и лишний раз напоминают о том, что связи с женщинами тебе не светят. Но все же признаюсь, что, когда я смотрю на постер с обнаженной красоткой, даже по прошествии многих лет на ум мне приходит она, Нина.

Бедная Нина. Она плохо кончила. Спустя год или два после нашего знакомства она покончила жизнь самоубийством: пустила себе пулю в лоб. Это случилось в Испании, она вернулась туда. Отчетливо помню звонок своего приятеля Адольфа, сообщившего мне ужасную весть. В то время я был на Сицилии. Сначала я не мог поверить. Я перезванивал Адольфу раз сто в надежде, что он ошибся, но, к сожалению, он сказал правду...

Позже я узнал, что Нина была больна раком. Она всю жизнь проработала в Германии с мечтой возвратиться в любимую Испанию, а вернее – в любимую Галисию, и провести там остаток жизни, но страшная болезнь разрушила все ее чаяния.

Мне рассказали, что Нина отказалась от химиотерапии: она не хотела, чтобы ее прекрасное тело превратилось в развалину, а великолепные волосы выпали. Напрасно врачи убеждали ее. Не имея полной уверенности в выздоровлении, Нина предпочла ускорить развязку. Перед смертью она переписала завещание и отдала все накопленное за годы работы сиротскому приюту.

Ты была удивительной женщиной, Нина, с благородным сердцем. Я так сожалел о том, что не смог объяснить тебе причин своего внезапного отъезда и не позвонил тебе. Но разве мог я рассказать тебе, что вовлечен в мафиозные войны? Скорее всего, ты подумала, будто я воспользовался тобой для удовлетворения плотских желаний, а потом исчез, как все мужчины. Но это вовсе не так. Больно думать об этом теперь! Проклятая судьба!

В тот день, когда я узнал о твоей смерти, я поклялся не забывать тебя и твои наставления.

И сдержал клятву: сейчас я пишу о тебе и говорю о тебе с другом, который появился у меня здесь, в тюрьме. Твоя смерть меня ранила, и я понял, что невозможно узнать отпущенный жизнью срок, смерть не зависит от нас и не принадлежит нам.

После звонка Адольфа я плакал. При воспоминании о Нине – о моей юности – сердце до сих пор сжимается от боли.

СПИД

Однажды в Гамбурге я поколотил бейсбольной битой сутенера, который надавал затрепчин моей знакомой проститутке. Я был воспитан в старых традициях и терпеть не мог, когда женщин использовали подобным образом: на Сицилии сутенеров преследовали не только представители закона.

Мой поступок оценили в квартале, я стал чем-то вроде местной легенды. Но я был наивен и сразу не понял, что моя выходка замечена полицией, которая с тех пор стала следить за мной.

Одним словом, не обошлось без последствий. Фофо не на шутку разозлился. Вспыхнули противоречия, поскольку в квартале соблюдался негласный договор между “нашими” и “чужими”, суть которого от меня ускользала. Я должен был подстроиться под местные порядки и не создавать проблем для приятелей, действовать в рамках неписаных правил, призванных обеспечить равновесие и позволить всем обитателям квартала жить спокойно. У нас и так было немало проблем с полицией, а я добавил еще и новые. Разозлившись, я действовал слишком прямо. Я постоянно лез на рожон, однако никогда не подставлял своих друзей.

Произошло еще одно событие, в результате которого я привлек к себе излишнее внимание. Однажды ночью я пошел на дискотеку в “Клеопу” и слегка перебрал. Я принялся распевать итальянские песни – “Танец маленьких утят” Ромины Пауэр и “Кому?” Фаусто Леали. Спой я эти песенки в Италии, мне плюнули бы в лицо, но “Клеопа” – совсем другое дело. Все ребята, около сотни, которые были на той дискотеке и слышали меня, стали узнавать меня на улице и здороваться со мной: “Привет, Антонио!” – хотя сам я понятия не имел, кто они такие. Это было не слишком хорошо.

Фофо разозлился пуще прежнего. Находясь в розыске, следует вести себя скромнее, говорил он. И был прав. Иногда казалось, что я нарочно подставляю себя.

На следующей дискотеке я поклялся себе не петь, но стоило диджею поднести микрофон к моим губам, я не сдержался и, как идиот, запел “Синеву” Челентано; динамики усилили мой голос, донося его до всех присутствующих на дискотеке, а софиты светили мне прямо в лицо. С тех пор я не знал удержу.

Девушки вешались мне на шею. Каждую ночь я проводил с новой красавицей. Если не хватало моего обаяния, в ход шли деньги. Я чувствовал себя богом. Ничего не боялся и думал, что могу купить всех и все. Мне открылась истина: люди желают двух вещей – денег и кокаина. И у меня были обе.

Но скоро ситуация изменилась. Известный американский актер Рок Хадсон во всеуслышание объявил, что он гей и болен СПИДом. Тогда я пропустил новость мимо ушей, хотя все средства массовой информации только и говорили об этом. Позже и я задумался о том, какая же гадость этот СПИД.

Его распространение ударило по нашему кварталу. Раньше люди со всей Германии, и не только, съезжались в Санкт-Паули ради наших проституток. А там, где шлюхи, там и азартные игры. Удовлетворив свои сексуальные потребности, мужчины переключались на игру – и наступал наш черед. Но с падением спроса на проституток падал спрос и на азартные игры. Улицы опустели, жизнь в квартале стала угасать. Я не узнавал его: из него словно вытекли силы. Мы переглядывались в недоумении. Как будто враждебное государство сбросило сюда водородную бомбу, а мы, единственные выжившие после катастрофы, бесцельно бродим по разрушенному городу.

Шли дни, но охотников до игры не было. Отцы семейств ретировались, опасаясь СПИДа. И не только они. Даже я стал побаиваться заразы. Прежде мне случалось подцепить

различные венерические заболевания, но они легко лечились при помощи таблеток и уколов. “Неужели теперь совсем не заниматься любовью?” – недоумевал я.

Я вдруг разволновался и даже решил сделать анализ на ВИЧ-инфекцию. Мне стало казаться, что я болен. Я был почти уверен в этом, так как занимался любовью с кем попало и без презерватива. Полумертвый от страха, я отправился в клинику и сдал все необходимые анализы.

Несколько дней спустя из клиники сообщили, что я здоров. Я был вне себя радости.

“Проклятые СМИ”, – подумал я тогда. Однако доктор посоветовал мне соблюдать осторожность и не радоваться раньше времени, ведь вирус имел инкубационный период до шести месяцев. В это время лучше воздерживаться от сомнительных связей.

Я снова впал в панику, ожидание казалось бесконечным. Но с тех пор презерватив стал моим верным другом. Возможно, я переборщил с мерами предосторожности, но тогда средства массовой информации во весь голос кричали об опасной болезни.

И именно в тот период пришла повестка: я должен был идти в армию.

Я не представлял себе жизни вне Гамбурга. Но, откажись я от службы, я бы еще долго не мог вернуться в Италию.

Кроме того, мне удалось выяснить мое юридическое положение в Италии: после апелляции меня приговорили к трем годам за грабежи, хотя сначала речь шла о шести годах заключения, несмотря на мой статус несовершеннолетнего и отсутствие судимостей. В те времена закон предусматривал, что осужденные на срок, не превышавший трех лет, могли отбывать наказание условно и не гнить в тюрьме. То есть, я мог вернуться домой свободным человеком. Правда, военной службы было не миновать.

Так что пришлось ехать в Италию.

“В конечном счете, армия – это всего-навсего год”, – успокоил я себя.

Я забрал большую часть своей выручки, оставив кое-что в общей кассе; впрочем, мы все были убеждены, что ремесло пора менять. Кроме того, я заплатил долг за квартиру и со слезами на глазах попрощался с друзьями: меня ждал год в армии.

Я не сомневался, что целый год будет вычеркнут из моей жизни. И утешал себя мыслью о том, что научусь обращаться с оружием и усвою азы военной дисциплины. Однако покинуть любимый Гамбург, привычный мир и знакомых – вот что по-настоящему расстраивало меня. Но выбора не было.

Почему я так убивался из-за года армейской службы? Сейчас кажется странным, что меня страшили жизнь в казарме, непривычный солдатский быт, необходимость подчиняться приказам, маршировать, драить пол и уборные.

Если поразмыслить над тем, как я прожигал жизнь в юности и как бесславно кончил, то по сравнению с этим год военной службы представляется годом истинной свободы, беззаботности и веселья.

Настает час обеда. Еду приносят прямо в камеру. Не то что в армии, где приходилось с подносом в руках отстаивать очередь, в грязной казарменной столовой. Но тогда этого требовала солдатская дисциплина, которая помогала мне расти и развиваться.

А сейчас я в тюрьме! И это наказание. И хотя условия здесь, пожалуй, получше, чем в армии, – точнее, менее ужасны, – страдания от этого не уменьшаются, просто пытка стала более утонченной. Не все понимают важность тюремных правил. Многие заключенные их не признают, находясь в постоянной борьбе с теми, кто должен поддерживать установленный здесь порядок.

Не все осознают эту разновидность свободы. Свобода – не только желание выйти из тюрьмы. Свобода – это способность мыслить и действовать независимо. По-моему, свобода лежит за пределами устава, придуманного мафией, “Коза Нострой” или “Стиддой”. Свобода – это когда человек имеет выбор и волен решать сам, как ему действовать.

У меня не было свободы выбора, я не мог ничего решать. Я лишь боролся за свою жизнь. И я думаю, нет ничего ценнее жизни.

В армии

“Антонио Брассо, родился 18 марта 1965 года в Казамарине, родители – Тото и Реале Франческа. Рост – метр семьдесят два сантиметра, глаза карие, волосы черные. Документы в порядке, судимостей не имеет. К военной службе годен”.

Я пытался придумать себе серьезную болезнь, только бы избежать армии, – но бесполезно. Медики, привыкшие к таким уловкам, не обратили бы никакого внимания на мои мнимые хвори. Я пошел и другим путем, попробовав подкупить врача, но это стало известно моему отцу, который отрезал: “Иди-ка послужи. Чуток дисциплины пойдет тебе на пользу”.

Я хотел возразить, что сам он не служил в армии. Но предпочел промолчать, иначе отец поколотил бы меня за дерзость. Я-то чувствовал себя взрослым, а для отца оставался избалованным мальчишкой. Мне хотелось крикнуть ему – мол, я уже совершеннолетний, но в нашей семье таким доводам не придавали значения. Дед мог надавать затрещин своим сыновьям, поэтому даже мой отец не осмеливался оспаривать его решений. Хотя со мной дед почему-то всегда был исключительно ласков.

Я должен был пройти медосмотр и проверку знаний – ее выдержали помимо меня всего пятеро ребят. Поражала простота вопросов: сколько сторон у прямоугольника, назови столицу Италии, в какой области ты живешь, помножь девять на девять, как вычислить площадь квадрата.

Я даже подумал, что над нами смеются. Однако более половины призывников сдали чистые листы, некоторые ответили на пару вопросов, и только пятеро сдали на “отлично”. Так выяснилось, что среди моих ровесников есть куда бóльшие невежды, чем я. Конечно, это была заслуга моего отца, который перед обедом и ужином гонял меня по школьной программе. Спорный метод преподавания, но, без сомнения, эффективный.

Я прибыл в призывной пункт в Риме днем раньше даты, указанной в повестке. Казарма оказалась огромной, размером с целый город. Снаружи она напоминала тюрьму. Не хотелось даже переступить порог, но выбора не было.

На месяц – столько длилась военная подготовка – я снял комнатку неподалеку от казармы. На самом деле, отлучаться из казармы запрещалось даже на ночь, но все мои вещи едва ли поместились бы в крошечной тумбочке. К тому же в свою комнату я мог привести девушку или передохнуть в свободное от учений время. В деньгах недостатка я не испытывал, имея в кармане пару миллионов лир, тогда как простой солдат в те времена получал не больше тысячи лир в день на расходы.

Днем позже, скрепя сердце, я предстал перед воротами казармы, одетый с иголки: фирменные туфли и костюм, сумка со сменным бельем и принадлежностями для бритья, – чем сразу позабавил солдат у входа. “Хорошенькое начало”, – подумал я.

Войдя через ворота в казарму, я почувствовал себя Данте, вступившим в Ад. Я пересек дворик и оказался перед строем марширующих в ногу солдат. Меня провели в комнатенку, где находились еще шесть призывников: двое сардов, двое апулийцев и двое уроженцев Кампании. Сардам, казалось, все нипочем, а вот остальные парни выглядели потерянными, хотя и были одного со мной возраста. Я разозлился и подумал, что мне не место в компании этих сопляков, которые постоянно ноют и жалуются, тоскуют по родной деревне, семье, любимой девушке.

Дни напролет мы маршировали, и я, всегда носивший удобную, сшитую по мерке обувь, вынужден был мириться с волдырями от солдатских сапог. Но такие сапоги носили все, а значит, должен и я.

Мы собирали и разбирали оружие. Целыми днями занимались одним и тем же. К концу подготовительного курса мы выучились ходить строем и с закрытыми глазами разбирать и собирать винтовку.

Вечерами нас отпускали из казармы, и каждый вечер я приглашал товарищей на ужин к хозяйке, у которой снимал комнату. Мы наедались до отвала, особенно жадно ели апулийцы, точно они всю жизнь голодали. Постепенно я начал привязываться к этим ребятам. После ужина я поднимался к себе в комнату, переодевался в чистый и элегантный костюм, и мы отправлялись на прогулку. Приятели думали, что я миллиардер в отпуске. Я платил за билеты в кино и за шлюх. С последними я заключил негласный договор, определявший, сколько денег полагается за их старания. Я сделался настоящим лидером нашей компании.

Перед отправлением на службу по месту назначения мы условились о том, как следует вести себя с так называемыми “дедами”, то есть солдатами, которые почти отслужили срок и помыкали новичками, заставляя тех выполнять разные работы вроде заправки коек. Все во мне сопротивлялось таким порядкам, но мы решили, что лучше не нарываться на неприятности и соблюдать сложившуюся издавна традицию.

В студеное, хотя и солнечное мартовское утро мы с товарищами прибыли в Поджиано, горный поселок в провинции Бари. Не успели мы устроиться в казарме, как деды подскочили к нам, вопя, точно безумные, приказывая немедленно вылезти из кузова грузовика и выстроиться в шеренгу.

В сравнении с Поджиано наша римская казарма казалась райским садом.

Деды хрюкали от смеха, наблюдая за нашими неуклюжими маневрами. Они заставили нас забраться в другой грузовик и отвезли в казарму. И все время покрикивали, командовали. С пинками и пошловатыми шутками нас отвели в назначенные нам подразделения. Бросив рюкзаки в комнатах, мы тотчас поспешили на сбор. Мы прождали почти час, пока не пришел старший офицер и не разъяснил нам:

– Вас определили в эту казарму, потому что вы все находитесь под следствием. Вы не можете находиться среди цивилизованных людей: все вы негодяи и должны понять, что значит исполнять долг. Запомните, – добавил он, – если кто-то попытается бежать, его немедленно переправят в Гаэту и посадят на шесть месяцев в тюрьму. Затем ему придется заново проходить службу здесь. Делайте выводы сами, насколько вам выгодно бежать отсюда.

Речь офицера была достаточно убедительной – никто из нас даже не попытался бежать.

На несколько дней нас оставили в покое, наказав привести в порядок комнаты, заправить койки, отдраить тумбочки – правда, инспекция каждый раз заявляла, что они по-прежнему грязные.

В первые дни нас гоняли всюду. Кроме того, приходилось убирать и разбирать койки дедов.

Однажды приятель какого-то деда, военный невысокого звания, пришел ко мне и командовал пойти прибрать кровать одного из главных дедов – ему, мол, показалось, будто я веду себя слишком развязно.

Я сказал, что пусть тот сначала придет в мою комнату и сделает мне минет.

– Что-о-о-о? – заорал солдат, медленно наступая на меня.

Оставаясь предельно спокойным, я схватил его за горло и сжал пальцами то место, где находилась трахея. Не прошло и минуты, как его лицо посинело, а колени подогнулись. Я ослабил хватку, ведь еще немного, и я придушил бы его. Наблюдая, как он корчится, хватаясь за горло, я сказал:

– Пусть в следующий раз твой главный посылает настоящего мужика, а не бабу. Так ему и передай, понял?

– Да, да, – ответил он испуганно.

- А еще что ты должен ему сказать? Повтори-ка!
 - Что в следующий раз...
 - Нет, то, что я тебе раньше сказал! – перебил я его.
- Солдат подумал немного и повторил:
- ...чтобы он сделал минет.
 - Молодец! А теперь пошел вон, кусок дерьма!

Товарищи смотрели на меня, точно ошалевшие. Я помнил: мы условились, что и я буду застилать иногда кровать какого-нибудь деда, но этот солдат разозлил меня не на шутку. К тому же речь шла не о простой уборке кроватей. Мы должны были стать самими настоящими рабами дедов: приносить им завтрак, стирать их грязные носки и выполнять множество других унижительных распоряжений. Ни за что! Пусть лучше они убьют меня. И началась настоящая война.

Сначала я хотел спокойно отслужить год в армии и вести себя примерно, но первый шаг к войне был сделан, и теперь поздно отступать.

На следующий день на сборе главный дед, Тано Тестадиране⁶ – очень подходящая фамилия, – наорал на меня, а потом добавил:

– Сегодня вечером ты получишь, что хотел, не волнуйся.

– Вот и славно, – ответил я ему. – Только есть одна просьба. Мне нравится минет с заглгатыванием спермы. Увидишь, какая она вкусненькая.

Он разъярился, как бык на красную тряпку. Его унизили перед товарищами. Я не сомневался, что он заставит меня расплатиться за это.

Черт возьми, дело принимает серьезный оборот, подумал я. Тано был здоровяк, метр восемьдесят, широкие плечи, огромные крестьянские ручищи. Потом я узнал, что он и вправду бывший крестьянин. По диалекту я угадал в нем сицилийца. Я играл с огнем.

Нужно было раздобыть оружие. Серьезное оружие – на случай, если он вздумает напасть на меня. Я взял два длинных шерстяных чулка и набил их камнями. Достаточно одного хорошего удара, и Тано отключится – в простой драке я, безоружный, проиграл бы. Я даже подумал напасть первым, неожиданно, но побоялся убить Тано. Тогда я стал ждать.

Мне запретили покидать казарму вечером: когда я нес караул, один из офицеров заметил, что на моей форме недоставало пуговиц, и я был наказан.

Сменную форму деды украли у нас в первый же день. Офицеры прекрасно знали о том, что творится в дортуарах. Но почему они смотрели на это сквозь пальцы? – удивлялся я.

Товарищи не решались поддержать меня в схватке с Тано – кроме сардов, которых я даже считал друзьями, они сразу же встали на мою сторону. Я попросил их держать ухо востро, пока я сплю: несколько дней я не смыкал ночью глаз, напуганный случившимся, остерегаясь подлых дедов и безмозглого великана Тано. С тех пор никто не просил меня застилать койку, и ни один дед не становился передо мной в очередь в столовой. Ясно, что я заработал известную репутацию. Но такое положение дел настораживало.

И вот однажды ночью я проснулся оттого, что на меня вылили мочу, смешанную еще с какой-то пакостью. Виновные скрылись, прежде чем я открыл глаза.

Впрочем, я ожидал чего-то подобного. Сначала я горел жадной немедленной мести, но затем рассудил хладнокровно. До окончания срока службы дедам оставалось недели две, и я поклялся устроить им веселую жизнь, прежде чем они уйдут.

Наутро я попросил у старшины разрешения взять со склада другой матрас и чистые простыни. Он поинтересовался – зачем. Пришлось ответить, что ночью у меня произошло непроизвольное мочеиспускание.

⁶ Фамилия буквально обозначает “собачья голова” (*um. testa di cane. – Прим. перев.*).

Получая на складе новое белье, я заметил, что унтер-офицер и Тано беседовали, спрятавшись за грузовиком. Что-то не сходилось, а вернее, все сходилось. Мое положение ухудшалось.

Один мой приятель – с ним я познакомился еще в Риме и пару раз оплатил ему шлюху – работал в ротной канцелярии. Я попросил его раздобыть все сведения о Тано. Он не заставил себя упрашивать. На следующий день у меня были все личные данные главного деда: имена родителей и сестры, домашний адрес и даже телефон. Я выяснил, что он был родом из той же провинции, что и я.

– Великолепно! – сказал я приятелю из канцелярии и пообещал подыскать ему отличную шлюшку.

В сумерки я перемахнул через стену казармы, рискуя быть расстрелянным, и отправился в свой пансион. Я позвонил знакомому и попросил его связаться с моими друзьями детства – Манчино и Гроссо. Только им я мог полностью доверять. Ожидая, я позволил себе принять теплую ванну и тщательно продумать план действий.

Наконец в назначенный час раздался телефонный звонок: это был Тино Манчино.

После приветствий я обрисовал ему картину. Не успел я закончить, как Тино заявил, что они с Гроссо выезжают ко мне.

– Нет, – перебил я. – Выслушай меня до конца!

И я подробно изложил ему историю про деда. По воле случая оказалось, что Тино каждое утро отвозил на своем грузовичке в Текали – местечко, откуда был родом дед, – бригаду рабочих. Вечером он забирал их оттуда.

– Превосходно! – воскликнул я. Мне пришло на ум поручить своим школьным друзьям нанести визит вежливости почтенному семейству деда. Манчино сразу заверил меня, что поможет уладить дело.

– Благодарствую, друг мой! – ответил я.

Но прежде чем положить трубку, я попросил Манчино не переусердствовать, а только вежливо, но доходчиво объяснить родным этого козла, что с земляками вести себя так не годится.

– Спокойно, друг. Я потолкую об этом с Гроссо.

Между тем я тоже начал действовать. Прежде чем перескочить через ограду военной части, я посмотрел, кто стоит на часах: дежурил мой приятель, поэтому я решил войти через главный вход. Он отвернулся и сделал вид, будто не заметил меня.

Я дождался, пока все уснут. Караульный, охранявший коридор, храпел, как трактор. Когда глаза привыкли к темноте, я надел маскировочный костюм, резиновые тапочки на мягкой подошве и направился в уборную. Взял емкость, в которую два дня собирал кал, помочился туда, разбавил все водой, спиртом, плеснул чистящих средства и прокрался в комнату, где спал Тано.

Он отравил мне две недели жизни, превратив ее в ад, и я не мог позволить ему спокойно отправиться домой! Осторожно приоткрыв дверь, я вошел и опрокинул заготовленную смесь на вторую койку от входа, прямо в лицо спящему, с криком:

– Попробуй-ка немного дерьма, ублюдок!

После этого я быстро прошмыгнул в свою комнату и всем весом навалился на дверь. Как я и думал, вскоре кто-то стал ломиться снаружи.

Это был мой враг. Он сразу понял, кто сотворил с ним такое, и хотел расквитаться со мной. Тано отчаянно колотил в дверь. Я слышал, как несколько раз он, весь перепачканный дерьмом, поскользнулся и упал. Он кричал, как безумный, и перебудил всю казарму. Караульный поднял тревогу, и чуть погодя на место прибыл начальник охраны в сопровождении нескольких солдат.

Подлец Тано стал в открытую обвинять меня в том, что я вылил на него дерьмо. Конечно, я отпирался, но толком не мог объяснить, почему на мне в такой час – маскировочный костюм и резиновые тапочки.

Лейтенант обозвал меня грубой скотиной, но я, сразу перейдя на ты, осадил его:

– Ты еще будешь рассказывать мне про грубость? А сам-то со своими солдатами позволяешь процветать здесь насилию и несправедливости! Вы мне противны. Вы сами себе должны быть противны. Отбросы общества. Ты называешь нас преступниками, а сам – жалкий трус!

От ярости я потерял рассудок. Лейтенант смотрел на меня в недоумении. Затем он развернулся и ушел, приказав караульному положить ему на стол рапорт.

– Засунь рапорт себе в задницу, синьор лейтенант! – крикнул я ему вслед. Я не мог забыть слов, с которыми он обратился к нам, новичкам, когда мы только прибыли в казарму. Я молча проглотил бы все его наставления и упреки, если бы лейтенант был справедлив по отношению ко всем нам, однако на многие вещи он закрывал глаза.

На следующий день во время сбора Тано бросился было с кулаками на меня, но деды удержали его, пообещав содрать с меня шкуру за пределами казармы.

Тогда я сказал Тано, изображая, будто держу возле уха телефонную трубку:

– Позвони сначала своим папаше, мамаше и сестренке! Понял меня?

Услышав эти слова, Тано побледнел и сразу потерял всю свою наглость.

В тот же день меня вызвали к коменданту. Он приказал подчиненным покинуть кабинет, и между нами состоялся мужской разговор с глазу на глаз. Он сказал, что знает о происшедшем и что нужно положить конец всей этой войне.

– Это не так просто, – ответил я.

– Послушай-ка, Антонио, – впервые офицер обратился ко мне по имени, а не по фамилии. – Дедовщина и мне не по душе, но это пустяк по сравнению с другими проблемами в нашей казарме, которая, замечу, является также исправительным заведением. Сам можешь догадаться, что значит присматривать за испорченными ребятами. Подчинение правилам, строгость, дисциплина. Порядок и чистота в комнатах... Без этого никуда.

– И следить за соблюдением порядка и дисциплины вы поручаете группке вздорных придурков, – перебил я.

– Дай мне месяц, и тогда я отвечу на твой вопрос. Ребята, которых нам присылает министерство, попадают сюда не случайно. Конечно, иногда сюда попадают такие, как ты, устраивают дурдом и ставят всех на уши. Но мы готовы к этому.

Я попытался возразить, но комендант решительным жестом приказал мне замолкнуть:

– На следующей неделе Тестадиране покидает казарму. Восьмой отряд заменит девятый. Настоятельно прошу, чтобы всю неделю в казарме были порядок и дисциплина, в противном случае нам придется прибегнуть к решительным мерам. Не создавай мне проблемы, иначе я сам тебе их создам. Ты меня понял?

– Если никакой убудок не заставит меня застилать его кровать или делать что-нибудь в этом духе, я буду тише воды ниже травы.

– Но если это заставят делать кого-то другого, например, из третьего отряда, который скоро прибудет, не смей вмешиваться. Нам здесь не нужны благородных Зорро! Ясно?

– Вполне, господин комендант.

Я понял, что дедовщина одобрялась сверху, и решил сбавить обороты.

– Тем не менее придется наказать тебя. Дисциплинарный совет даст тебе пять суток в карцере за оскорбление лейтенанта. Можешь оправдываться, но я советую принять наказание без единого возражения.

– Я приму наказание, господин комендант, – ответил я, вытянувшись в струнку, и взял под козырек.

Комендант встал с кресла и улыбнулся мне, в его улыбке я прочел понимание. Я попросился с офицером и вышел из его кабинета со смешанными чувствами. Я понял, что существуют вещи, которые можно говорить прилюдно, а есть те, которые стоит обсуждать лишь с глазу на глаз. Кроме того, я усвоил, что армейская жизнь разительно отличается от гражданской. Юнцы, прибывшие в казарму, должны были выйти из нее людьми, готовыми отдать жизнь за родину. И для достижения такого результата психологи и социологи годами вырабатывали особую систему.

Я вошел в кабинет полковника, где надо мной должен был состояться военный суд. Я надел новенькую форму, одолженную у приятеля. Зачитали обвинения, и полковник спросил, есть ли у меня замечания. Я вытянулся по стойке смирно и ответил, что возражений нет. Меня продолжали спрашивать, соответствуют ли обвинения истине. Я ответил, что соответствуют, и получил пять суток в карцере. По правде говоря, я еще дешево отделался. Несоблюдение субординации считалось в армии серьезным преступлением, и меня могли отправить в тюрьму, но, к счастью, лейтенант в своем отчете указал не все подробности.

– Надеюсь, в этом кабинете я вас вижу в последний раз, ясно? – сказал полковник отеческим тоном.

– Да, синьор! – ответил я, продолжая стоять смирно, пока мне не отдали приказ удалиться.

Я собрал вещи и направился к карцеру, маленькой каморке недалеко от сторожевого поста. И, пока я шел к месту заточения, все в казарме – даже некоторые деды, – увидев меня с простынями и одеялом в руках, подходили и хлопали по плечу в знак сочувствия. Перед карцером я встретил лейтенанта и вытянулся перед ним в струнку, как и полагается солдату. Он ответил на мое приветствие, пристально посмотрел мне в глаза и удалился. Нам больше нечего было сказать друг другу.

Вечером под окном карцера появился Тано, глава дедов. Он принес мне кофе. Я взял чашку, но пить не стал: побоялся, что тот насыпал или подлил что-нибудь в напиток. Тано умолял меня простить его. Он едва ли не рыдал, напоминая, что мы земляки и неправильно друг друга поняли. Стало очевидно, что он позвонил домой.

– Ты только сейчас вспомнил, что мы земляки? – взорвался я. – Тогда почему я сижу в карцере, а ты нет?

– Я пойду к коменданту и скажу, что ты ни в чем не виноват, что это ошибка...

– Брось, не стоит.

Однако он не стал меня слушать и помчался к коменданту. Я закричал ему вслед, чтобы он никуда не ходил, но Тано не послушался. “Из-за этого кретина я снова нарвусь на неприятности”, – подумал я. Ведь меня наказали за оскорбление офицера, а не за ушат с дерьмом.

Позднее я узнал, что комендант обругал Тано последними словами – его брань была слышна на всю казарму. Комендант сказал ему, что ничего не знал про ушат, а потом вышвырнул Тано из кабинета, обозвав слизняком.

Никто из ребят не знал про мою месть, а Тано во всеуслышание заявил, что я облил его дерьмом. Последние дни в казарме стали для Тано кошмаром. Он по три раза на дню бегал за кофе или шоколадками для меня. Спесь слетела с него мгновенно.

Прежде чем попрощаться со мной, за день до отъезда, Тано спросил меня, могут ли теперь его родные в деревне чувствовать себя спокойно. Я ответил, что на этот счет он может не волноваться, и даже протянул руку. Когда моя узкая ладонь утонула в его лапище, по моей спине пробежал холодок. Случись нам схватиться в настоящей драке, он убил бы меня. Перед тем как окончательно уйти, Тано обернулся и махнул мне на прощанье рукой.

“Черт возьми, – подумал я. – Тино потрудился на славу, доконал этого медведя...” Мне было любопытно, что же сделал мой друг, чтобы так запугать деда.

Итак, я вышел победителем из этой маленькой войны. Более того, одним выстрелом я убил двух зайцев – избавился от произвола дедов и обеспечил себе уважение остальных солдат и даже начальства.

Деды избрали нового главаря – калабрийца, такого же дубину, как Тано. Однако он предпочел держаться подальше от меня и моих приятелей. Впрочем, двое сардов не дали бы себя в обиду и в мое отсутствие. В результате с восьмым отрядом у нас установился нейтралитет.

Наконец нам дали отгул, я хотел наесться до отвала и переспать с какой-нибудь красоткой.

Выходя из казармы, я услышал клаксон. Обернувшись, я увидел за рулем машины лейтенанта, которого тогда оскорбил. Он пригласил меня выпить. Я поблагодарил, но отказался, поскольку уже договорился о встрече с друзьями. Лейтенант обиделся, и я поспешил объяснить ему, предельно вежливо, что отношусь к числу людей, для которых договор дороже денег. Лейтенант понимающе кивнул и отложил нашу встречу до лучших времен. Прежде чем пойти с приятелями к шлюхам, я позвонил Тино. Смеясь, он рассказал, что произошло. Вместе с рабочими он отправился на своем грузовичке в деревню деда. Некоторым из рабочих мой друг велел нацепить маски, объяснив, что это нужно для розыгрыша. Машина остановилась перед домом Тано, и Манчино с Гроссо, изображая наемных убийц, запугали до полусмерти дедовых родителей. Притащив бидон с бензином и спички, они грозились поджечь дом, если их сын не уважит земляка. Перепуганные старики пообещали немедленно позвонить сыну.

– Ублюдки, – сказал я Тино. – Это слишком жестокий розыгрыш.

Но все же поблагодарил товарища, а он сказал:

– Оставь спасибо при себе. Потом мы пошли к Пеппе взять два ящика креветок. Ну и намекнули ему, что ты угощаешь. Правда ведь?

– Правда, – рассмеялся я.

Друзья явно перестарались, исполняя мою просьбу, но сделанного не воротишь.

Потом Тино добавил:

– Летом я женюсь, запомни. А также заруби себе на носу: в качестве подарка я принимаю только одно – деньги. Деньги и еще раз деньги!

– Циник и материалист! – выпалил я. – Во сколько же мне обойдется твоя свадьба? Заметь, это ты женишься, а не я.

Мы попрощались, поклявшись друг другу в вечной дружбе. Это была наша клятва с детства, и мы всегда оставались ей верны. Потом я позвонил кузену и попросил его зайти к рыбаку Пеппе, чтобы передать деньги за два ящика креветок.

Я изголодался по плотским наслаждениям, особенно после пяти суток в карцере. Я хорошо заплатил одной профессионалке, и ей, бедняжке, пришлось честно отработать денежки. Я сразу сказал ей, что мне не нужен быстрый секс. Я хочу по полной программе. Качественно.

Я провел с ней весь вечер. Заказал ужин в номер, а в конце она отвезла меня в казарму на собственной машине. Мы договорились увидеться снова, и встречались еще несколько раз. Она не желала терять выгодного клиента, а я – отличную проститутку. Черт возьми, она была горячая штучка!

Стоило мне переступить порог нашей комнаты в казарме, как я оказался мокрым с головы до ног. К счастью, меня всего лишь окатили водой. Приятели решили отомстить мне за то, что я оставил их на целый вечер. Я посмеялся вместе с ними.

Через несколько дней меня торжественно объявили капралом, а спустя еще несколько месяцев назначили майором.

Повышение в звании добавило мне хлопот: приходилось следить за сменой караула, за вооружением и обмундированием подчиненных. И за весь беспорядок отвечал я. Словом, начальство навязало мне роль, которую я ненавидел. Впрочем, им самим приходилось иметь дело со сложными людьми вроде меня.

Друзей я предупредил:

– Наказывать вас я никогда и ни за что не стану, но учтите – если по вашей вине я окажусь в карцере, вы разделите эту участь со мной. Идет?

Товарищи согласились и не подводили меня.

Наш отряд всегда был на высоте. Ни одна жалоба не доходила до ушей коменданта: любую сложную ситуацию мы улаживали между собой цивилизованным путем. Месяцы проходили легко и весело. Мне нравилась такая служба. К тому же, рассудил я, подобный опыт выпадает лишь раз в жизни.

Я научился собирать и разбирать винтовку. Довелось освоить и артиллерию: в мою задачу входила обработка координат, полученных из штаба командования, и наводка орудия на цель. Я стрелял из гранатомета, бросал гранаты, спал под открытым небом в спальном мешке и по три дня кряду питался консервами и сухарями.

В составе группы солдат из разных отрядов меня послали на несколько месяцев в Удине выполнять боевое задание. Помимо караулов на зверском холоде и подчинения приказам на блокпостах, в нашу задачу входил обстрел тирольских террористов, которые взрывали столбы на линии электропередач. Я так и не понял, была ли служба в Удине чем-то вроде наказания или, наоборот, признаком исключительного доверия со стороны командования. Но в одном я не сомневался: мне хотелось поскорее убраться оттуда, надоел вечный холод, который проридал до самых костей и хватал за задницу.

Каждое утро я ходил завтракать в столовую, а потом отправлялся на армейские учения: полоса препятствий, подтягивания на турнике, отжимания – просто чтобы держаться в форме. Тогда я весил шестьдесят шесть килограмм и не имел ни капельки жира. Я мог отжаться, опираясь только на большой и указательный пальцы. Я ел за троих, но не полнел. Близилось завершение очередного этапа моей жизни.

Капитан и лейтенант убеждали меня подписать контракт и поступить в армию на постоянную службу. Я поблагодарил их, но отказался, объяснив, что, отбыв в казарме положенный год, не поеду даже домой, а возьму билет на самолет до Гамбурга. Они прекрасно поняли меня и подписали рапорт о моей отставке в звании сержанта.

Тогда я был действительно растроган – думаю, они тоже. В последний раз я вытянулся по стойке смирно и попрощался с начальством.

На “тайной вечере” – так в шутку армейские окрестили прощальный ужин – мы чуть не прослезились. Целый год я прослужил с товарищами в казарме. Мы знали друг друга как облупленных. Особенно грустно мне было расставаться со своими друзьями с Сардинии. В последний раз поднялся флаг, отзвучал гимн – от всего этого защемило сердце. Вечером мы напились, а ночь напролет куролесили. Но на нас никто не стал жаловаться, даже часовой. “Проявили-таки чуточку уважения к дедам, черт вас возьми! – подумал я.

– Второй отряд выполнил свой долг!”

Я позвонил домой и сообщил, что с армией покончено. Родня уже знала об этом и даже готовила праздник по поводу моего возвращения. Но я сказал, что звоню из римского аэропорта в ожидании рейса на Гамбург. На другом конце провода повисло красноречивое молчание.

Возвращение в Гамбург

Самолет приземлился в Гамбурге в восемь часов вечера. 26 марта 1986 года выдалось необычайно теплым. А мне в тот день стукнуло двадцать один.

Фофо приехал встретить меня. Он явно был не в духе и вел себя холодно, хотя и достаточно вежливо. Я получил багаж, мы сели в машину и направились к хорошо известному нам обоим ресторану. В машине Фофо оставался все так же сдержан. Я уже собирался сказать ему, что в ресторан не поеду, а хочу переодеться и принять душ, но передумал: отказать Фофо невозможно. Похоже, подумал я, стряслось что-то серьезное.

Едва мы вошли в ресторан, свет внезапно погас, и в темноте я увидел огромный торт со свечами. И одновременно услышал, как множество голосов запели: “С днем рождения тебя!” Когда снова включили свет, все мои друзья с женами бросились обнимать и поздравлять меня, словно я был ветераном, вернувшимся с победоносной войны.

На мгновение я потерял дар речи, а затем взял ведро с шампанским и вылил Фофо на голову ледяную воду со льдом: он напугал меня не на шутку. Потом Фофо пытался убедить меня снять квартиру в другом районе города, так как жить в Санкт-Паули, по его мнению, было неприлично. Никто из моих друзей с их законными супругами якобы не сможет прийти ко мне в гости. Но меня это не волновало: я хотел вернуться в свое старое доброе жилище на улице Репербан. Что до друзей и их жен, то я сам готов приходить к ним в гости.

Тогда Фофо заявил, что уже снял – в качестве подарка ко дню рождения – квартиру и при помощи одного дизайнера обставил ее во вкусе плейбоя вроде меня. В этой квартире были снесены все стены, а посередине стояла огромная кровать. На стенах висели копии шедевров двадцатого века. Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к этому открытому пространству. Потом я развлекался, наблюдая за реакцией своих случайных подружек, которые оказывались в этой квартире. Некоторые даже стеснялись идти в туалет в моем присутствии и просили подождать на балконе. Но для большинства из них это не представляло никакой проблемы, что лишний раз убедило меня в раскованности северных женщин.

Квартира оказалась не единственным подарком Фофо. Ему удалось увеличить оставленный мною капитал в десять раз. Теперь в моей банковской ячейке лежало около двухсот тысяч марок, то есть около ста восьмидесяти семи миллионов лир.

Прежде чем въехать в свою новую квартиру, я купил огромный букет роз и изолену. На каждой двери дома я прикрепил розу с запиской: “Ваш друг Антонио поселился в квартире 34... Приходите на чашечку кофе”.

Такой жест был естественным в Санкт-Паули, где на улице Репербан сдавались крошечные квартирки девушкам, приехавшим на заработки из разных краев, – славянкам, турчанкам, румынкам. Там также жили геи, транссексуалы, трансвеститы. В том квартале царили доброта, душевность, редкостная деликатность, альтруизм и настоящая дружба. Там жили отверженные, маргиналы, то есть люди, познавшие крайнюю нужду и унижение. Некоторые из них скрывали правду от собственных родителей, детей, друзей, оставленных, возможно, в какой-нибудь забытой Богом деревушке Восточной Европы: то были одинокие парни и девушки. И ощущение одиночества еще сильнее сближало нас всех.

Когда кто-то заболел, сразу же вызывали знакомого доктора. Если кого-то отвозили в больницу, мы все шли навещать больного. Мы стали настоящей семьей.

Я хотел жить именно с такими людьми, а вовсе не среди так называемых “порядочных граждан”, которые втихаря прокрадывались в Санкт-Паули ради удовлетворения своих низменных желаний.

Вот уже несколько недель я охотился за клиентами и наконец заметил в клубе пьяного в стельку немца. Оплатив счет, он положил свою сумку на вертящийся стул у барной стойки. Я

развернул стул и, прикрываясь его спинкой, вытащил из сумки все деньги, оставив хозяину только документы. После этого я развернул стул обратно.

Учитывая, что деньги были краденые, я решил разыграть их в кости. Я выиграл и тем самым увеличил свой капитал. Только за один день я принес в нашу общую кассу около сорока тысяч марок. Наконец-то, после года отсутствия я смог пополнить копилку нашей компании.

Мой следующий удар пришелся по немецкому ресторатору, который погряз в долгах, занял у меня круглую сумму и никак не мог расплатиться. Он допустил наивную ошибку, позволив мне стать совладельцем ресторана. Спустя пару недель я отыграл у него в покер весь ресторан. Его самого я вышвырнул на улицу, одним махом перечеркнув около пятнадцати лет его тяжкого труда вдали от родных мест.

Я прекрасно понимал, что веду жизнь паразита и что я бессердечный негодяй, однако я знал: если бы я не оставил без штанов этого немца, это сделал бы кто-нибудь другой. К тому же по натуре я был азартным игроком, я жил и дышал игрой. “Пораскиньте мозгами, прежде чем связываться со мной” – вот какими словами я успокаивал свою совесть.

Итак, я стал владельцем ресторана, хотя не сумел бы даже поджарить яичницу. Зато меня переполняли блестящие идеи. Я договорился с семьей эмигрантов из Апулии и поручил им вести дела: муж с женой командовали на кухне, дочери-официантки обслуживали посетителей. Им полагалось шестьдесят процентов прибыли, мне – сорок.

Они сразу приняли предложение, к тому же я обеспечил их жильем, предоставив им две квартиры над рестораном.

Друзья думали, что я сошел с ума, но я, напротив, размышлял достаточно трезво. Я с детства знал, насколько сильной преданности следует ждать от человека, которому ты нашел прибыльную работу и который у тебя под присмотром. Моя же выгода состояла, помимо прочего, в том, что я официально числился ресторатором, то есть оформил все необходимые документы вроде страховки и карточки социального обеспечения.

На деньги, вырученные от ресторана, я купил себе “Порш 911” с откидным верхом образца 1983 года, подержанный, но в превосходном состоянии.

Кроме того, я вернулся к своим старым привычкам: секс, азартные игры, бассейн, сауна, массажи, солярий.

Настало лето, и пора было погостить на Сицилии. Родня хотела увидеться со мной, вновь обнять меня. По правде говоря, я тоже соскучился по ним, хотя и не спешил возвращаться домой. Каждый раз, покидая Гамбург, я боялся, что больше не вернусь в этот город.

Каждый вечер, каждую ночь, ворочаясь перед сном на скрипучей, неудобной койке, я спрашиваю себя: а что, если бы в то лето я не вернулся на Сицилию? Пошла бы моя жизнь иначе, если бы я снова отложил свой приезд? Превратился бы я в преступника, в чудовище, каким являюсь? Точнее, каким был давным-давно? Я использую прошедшее время, поскольку тот период моей жизни и тот человек, каким я был, кажутся мне погребенными в воспоминаниях.

Возможно, я все равно стал бы преступником. От судьбы не уйдешь. Здесь, в тюрьме, я познакомился со многими заключенными, и у каждого была своя философия жизни. Но особенно мне запомнился один трапаниец, сказавший как-то раз: “В чем моя вина, коли я родился в семье преступников? Какое будущее могло меня ждать? Родись я в семье английской королевы, разве закончил бы я жизнь на нарах? Но семью не выбирают, это судьба!”

Кто знает. Вполне вероятно, мы сами делаем все, чтобы свершилось предписанное судьбой? Над этим стоит поразмыслить, и философствование облегчает участь человека, обреченного умереть в заключении. За годы тюрьмы я изучил многие вещи. А сколько еще мне предстоит прочесть и узнать!

Помню и другого заключенного, сицилийца, как я, он иронично спросил меня на нашем общем диалекте: “И к чему тебе вся эта философия? Разве мыслями сыт будешь?”

И он по-своему прав. Однако философия помогает, еще как помогает! Она помогает распутать клубок мыслей и действий, разобраться в них, увидеть жизнь в перспективе, осознать, что не всегда поступаешь правильно. Но прежде всего размышления позволяют заглянуть внутрь себя, измениться, понять других людей и другие ценности. Есть опасность впасть в излишний догматизм. Я боюсь людей, которые оправдывают себя каким-либо учением, логикой или теорией. Логика должна основываться на правде жизни и снимать противоречия. Каждое учение следует принимать осмысленно, а не слепо. Те, кто оправдывает себя постулатами теории, часто оказываются сообщниками по преступлению. Мы можем оставаться самими собой, меняясь и смотря по сторонам. Мой уважаемый учитель, профессор Джузеппе Ферраро из Неаполитанского университета имени Фридриха II, человек, которого я искренне люблю и ценю, объясняя мне платоновский миф о тенях в пещере, научил меня критически осмыслять окружающую действительность. Не обманываться видимостью.

Возвращение на Сицилию

Дома меня встретили радушно. Родные в самом деле были счастливы меня видеть. Даже отец, который обычно не давал мне спуска, на этот раз смягчился. Правда, когда братья сообщили ему, что часы “Ролекс” у меня на запястье – из чистого золота и стоят бешеных денег, он превратился в привычно строгого отца:

– Не стыдно тебе носить такие часы? Ты ведь сын простого рабочего. Что ты пытаешься доказать? У кого ты их украл?

В общем, он продолжал говорить те глупости, которыми часто сыплют отцы, особенно если они фанатичные коммунисты.

– Я предприниматель, – ответил я.

– Предприниматель? И чем же ты занимаешься?

– Я хозяин крупного ресторана в Гамбурге!

Отец рассмеялся, но, поняв, что это не шутка, замолчал. Такая новость стала для него неожиданностью. Он пошел в соседнюю комнату и позвонил Фофо. Мой друг, как всегда, выбрал самую правильную стратегию. Когда отец спросил, чем я все-таки занимаюсь в Гамбурге, Фофо ответил, что лучше выяснить это у меня самого. И отец понял: Фофо никогда не выдаст меня, он мне настоящий друг, а не нянька. Однако отец заставил Фофо подтвердить, что я на самом деле владею рестораном. Фофо сказал, что это истинная правда и пусть отец сам, лично убедится.

Отец не находил слов.

Я не переставал удивлять его, и он досадовал на то, что я всегда поступал по-своему. С тех пор отец больше не пререкался со мной. Никогда.

Лето 1986 года я провел в компании своих друзей, и это было прекрасное лето. Мы плавали, ловили рыбу и сразу жарили ее на гриле, почти каждый вечер. Но скоро, стоило мне появиться в центре городка, меня стали осаждать знакомые и просить денег. От них не было отбоя, а отказать я не мог. Другу, с которым мы не виделись вечность и который влез в долги, пытаюсь открыть свое дело, я дал пятьдесят миллионов лир. Другие занимали миллионов по пять – десять. В итоге лишь за месяц я раздал около ста миллионов лир.

Я решил больше не показываться на людях и заперся дома, но тут меня начала преследовать родня: они требовали, чтобы я подумал о своем будущем. Хотели сделать из меня торговца рыбой. Я представил, что придется вставать в четыре утра и вкалывать по двадцать часов в сутки в холодильной камере. Родственники даже слушать меня не желали, им в голову не приходило, что я хочу вернуться в Германию. Но я-то уже определился: вот закончится лето, и уеду в Гамбург.

Жизнь на Сицилии, казалось, была не для меня. Да, это земля сочных и ярких красок, насыщенных вкусов, запахов – но что она может предложить молодому человеку? Ничего. Разве смог бы я прожить в городишке с одним кинотеатром и бильярдным залом? Я не выдержал бы без бассейна, сауны, теннисного корта, мощных машин, красивых женщин и игрового азарта. Нет, жизнь на Сицилии подобна смерти. Я любил свою семью и готов был отдать за них жизнь, но не позволил бы пленить свое тело и разум прозябанием в Казамарине.

Но именно в то жаркое лето в городке произошли убийства. Тогда меня это не особенно заинтересовало, но поразил тот факт, что все убитые носили фамилию Резина.

Позднее мне все стало ясно.

Женитьба Тино

Каждый сидел за отдельным столом со своей родней. Наши взгляды встретились. Гул голосов, музыка – народ пел и танцевал. Я, Манчино и Гроссо подняли бокалы за нашу дружбу и произнесли беззвучно, лишь шевеля губами, школьную клятву верности.

Я поставил бокал на стол, обернулся и посмотрел прямо в глаза отцу. Он покачал головой: он догадался! Только он понял нашу тайную клятву. Боже мой, он всегда относился ко мне как к мальчишке. Не знаю, какие мысли вертелись у него в голове, но отец понимал, что мы с Манчино и Гроссо храним свои секреты. Впрочем, мы втроем всю жизнь были не разлей вода. Наши отцы всегда чуяли, что мы в сговоре: когда нас допрашивали после очередной проделки, мы с невинным видом твердили одну и ту же версию истории. И даже побоями от нас ничего не могли добиться. А после мы частенько смеялись над полученными синяками – наша шкура просто пестрела лилово-черными подтеками.

Постепенно суровым родителям прискучило колотить нас. Они пытались помешать нам видеться друг с другом. Но от этого наша дружба только крепла. Каждый раз, когда отец спрашивал, с кем я шатался, я отвечал: “С Нелло и Тино”. В конце концов он смирился.

Чуть поодаль сидел Тото. Я с радостью поздоровался с ним. Мне, и правда, было приятно встретить его спустя много лет. Я силился припомнить, когда мы виделись в последний раз, и в памяти всплыл случай с мотоциклом карабинеров, когда Тото в шутку подставил меня, а я всыпал ему как следует.

Тото робко ответил на мое приветствие. Я подошел к нему и крепко обнял, отметив про себя, что его встречное объятие было каким-то вялым, почти неохотным. Он познакомил меня с женой и дочкой, прелестной малышкой нескольких месяцев от роду. Мы побеседовали о том о сем, потом он отлучился вместе с женой в туалет, чтобы сменить малышке подгузник.

Мы с друзьями весь вечер отплясывали с матронами из нашего квартала, которые почти что вырастили нас, даря свою ласку и любовь, а иногда не скупясь и на подзатыльники.

Даже Калуццо подобрел. Раньше он всю душу вкладывал в свой огород и увлекался цветоводством. Вечерами после работы он пропадал в своем садике, который находился рядом с футбольным полем. Если мяч попадал к нему в сад – значит, игре конец. Калуццо отбирал мяч без всякой жалости. За это мы платили разбитыми вдребезги окнами в его доме. Однажды Калуццо поймал Гроссо и пребольно отодрал его за ухо. Тогда мы с Тино набрали увесистых камней и пригрозили, что, если Калуццо не отпустит нашего приятеля, мы запустим их не только в его окно. Он испугался и отпустил Гроссо. И слава Богу, ведь иначе я разможил бы Калуццо голову.

За пару дней до свадьбы мы пригласили Калуццо в таверну посмеяться над старыми временами и напоили его. Это было что-то вроде вендетты. Калуццо разгадал наш план и, вконец пьяный, сказал:

– Вы правы, мерзавцы. Мне следовало не мячи у вас отнимать, а головы откручивать. Ух, и попортили же вы мне крови, маленькие ублюдки!

Мы засмеялись и поняли, что слегка переусердствовали в школьные годы. Вообще я еще раньше пытался помириться с ним, привезя из Германии целый ящик семян и разных средств для ухода за садом, но окончательно мы помирились только в тот вечер.

Свадьба Тино удалась на славу. Сбылась мечта влюбленных. Особенно счастлива была невеста, сиротка Марчелла: ее отец-рыбак погиб в море, а мать вскоре скончалась от тяжелой болезни. Я был растроган, наблюдая за счастливой парой. Возможно, я немного перебрал – не смог удержаться от слез.

Между тем Гроссо сидел напротив и ворчал, изображая скупердяя: мол, он согласился разделить расходы на свадьбу Тино только при условии, что мы скинемся и на его свадьбу. Но это было сказано для проформы. На самом деле, Гроссо отдал бы Тино и мне последнюю рубашку, но никогда не признался бы в собственной щедрости. Таков уж его характер. Я подарил невесте платье – Тино с Марчеллой были в восторге, и я сам разделил их радость. Я любил своих друзей, а они любили меня.

Так закончилось лето 1986 года. Настала пора уезжать. Я почти тайком забронировал рейс в Гамбург и чуть ли не в последний момент предупредил всех о своем отъезде.

Бойня

Это случилось августовским вечером. Я сидел за столом с друзьями и родными и пытался объяснить деду и дядям – за обедом я сообщил им о своем отъезде в Гамбург, – что никак не могу согласиться на их настойчивые уговоры остаться в Казамарине.

Мое решение стало для них настоящим ударом. Они ведь уже решили за меня, что мне делать в будущем, и вот теперь целый день отказывались даже разговаривать.

Я знал, они волновались за меня, желали мне добра, но я и слышать не хотел о том, чтобы остаться.

– Ты не прав, – не сдавались они.

Часть родственников даже поссорилась с тем моим дядей, который, по их мнению, надоумил меня ехать в “проклятый Гамбург”, город развратный и порочный. Все семейство предрекало мне скорую и ужасную смерть: “Тебя, точно, прибудет какой-нибудь сутенер, или станешь наркоманом, или подцепишь страшную болезнь”.

Возражать было бесполезно, они слушать ничего не желали. Нашелся даже родственник, который без лишних слов приказал мне остаться.

– Непременно останусь, – ответил я. – Если только вы меня свяжете.

Я был непреклонен. “Завтра вечером буду ужинать в Санкт-Паули, в китайском ресторане, с Чикси, красоткой с миндалевидными глазами и нежным взглядом”, – думал я, пока их слова сотрясали воздух жаркого летнего вечера.

Тем временем мимо прошла Кончетта, подруга детства. Она прогуливалась с другими девушками. Глазами она дала мне знак следовать за ней. Я встал из-за стола, поцеловал только деда и сказал ему, что отлучусь на несколько минут. Он попытался изобразить суровость, но глаза его смеялись: как всегда, дед на моей стороне, подумал я...

Я последовал за Кончеттой, стараясь смешаться с толпой. Было восемь вечера, и по главной улице совершался обычный вечерний променад. Я заметил, как Кончетта остановилась купить сладостей своему ребенку, и тоже подошел к тому лотку. Кончетте хватило полминуты, чтобы шепнуть мне:

– Сегодня вечером, после одиннадцати, моего мужа не будет дома. Приходи, я скажу тебе кое-что важное.

Я попытался отказаться, но ее умоляющий взгляд смягчил меня.

Я хотел уже пообещать Кончетте, что приду ее навестить, как вдруг прогремела череда выстрелов, заставившая нас вздрогнуть. Народ в смятении кинулся врассыпную. Почти животный инстинкт заставил меня побежать в сторону выстрелов. А слышались они явно из бара.

“Мои!” – леденя от ужаса, подумал я.

Я чувствовал, что произошло страшное. Сцена, представшая моим глазам, ужасала: люди в красных капюшонах носились, как дикие звери в поисках добычи, с остервенением стреляя из пистолетов в уже обездвиженные тела на полу. Один из них заметил меня и принялся палить по мне. Я застыл, пораженный, и не сразу почувствовал задевавшие меня пули. Но спустя несколько секунд очнулся и понял, что стал мишенью!

Я оцепенел, но сработал инстинкт самосохранения, и я бросился наутек.

Свернул в первый попавшийся переулок, но одна нога внезапно потеряла чувствительность. Меня ранили. Стиснув зубы, я отползал дальше. Они хотели меня убить! Несколько раз я падал. Наконец удалось спрятаться за машиной. Один из убийц преследовал меня, я слышал его шаги очень близко. Он принялся искать меня среди припаркованных машин. Я подумал, что наверняка он будет заглядывать под машины, поэтому спрятался позади колеса.

Я чувствовал, что он не успокоится, пока не отыщет меня. Я слышал его тяжелое дыхание. Еще немного, и я увидел бы его лицо.

“Мне конец”, – думал я, а мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Внезапно приехали его сообщники. “Шевелись! Валим!” – крикнул тот, что был за рулем. Мой преследователь выпустил на всякий случай очередь из винтовки. Искры блеснули на всех стоящих в ряд машинах. Мне показалось, автомобили вот-вот взорвутся. Убийце достаточно было сделать еще несколько шагов, чтобы наткнуться на меня, свернувшегося клубочком у колеса.

Водитель продолжал орать, чтобы тот немедленно заскакивал в машину. Наконец у него вырвалось имя.

Этот голос и имя отпечатались у меня в памяти навсегда; каждую ночь, вот уже много лет подряд, в голове звучит тот окрик. Звучит, как эхо.

Автомобильные шины взвизгнули где-то рядом со мной, и машина уехала. “Спасен”, – выдохнул я с облегчением. За этим последовала странная, звенящая в ушах тишина. Я будто потерял способность слышать. Имя, которое я успел уловить, и настойчивость, с какой меня искал убийца, подсказали мне, что тот человек хорошо меня знает и желает прикончить. Но почему, черт побери, за что?

Нога была вся в крови, но в тот момент меня это не заботило. Я вернулся в кафе, где осталась моя семья. Много людей недвижно лежало на полу в изломанных позах. Все это казалось сценой из военного фильма. Затем взгляд упал на разбитые очки: дед. Мой дед был распростерт на брусчатке, глаза широко открыты, неподвижный взгляд устремлен к небу. Я склонился, закрыл ему глаза, крепко обнял и стал укачивать. Тела разметались повсюду. Присмотревшись, я заметил в одном из проулков своего дядю. Осторожно опустив на землю тело деда, я подошел к нему, спотыкаясь о трупы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.